

Стефания Данилова

СВИДЕТЕЛЬСТВО О ПОЛУСМЕРТИ

Стихи

Таганрог 2018

ББК 84 (2Рос=Рус)–5

Д 18

Стефания Данилова

Д 18 СВИДЕТЕЛЬСТВО О ПОЛУСМЕРТИ. Стихи. –

Таганрог: изд-во «Нюанс» (ИП Кучма Ю.Д.), 2018. – 120 с.

ISBN 978–5–98517–4*****

© Стефания Данилова, 2018

© Оформление, изд-во «Нюанс», 2018

Стефания Данилова — человек–пружина, заставляющая двигаться часовой механизм нашей инертной жизни. Многие, слишком многие ленивые души ставят ей это в упрек, обвиняя в карьеризме и черт знает каких еще грехах, сами при этом с удовольствием пользуясь плодами её кипучей деятельности. Стефания издает книги — народ сидит на диване и злобствует. Стефания устраивает крупнейший в мире поэтический фестиваль — та же реакция. Стефания гастролирует — кухонные гении транслируют презрение. Увы, мир не жалует прогрессоров, хотя только благодаря таким людям и случаются в мире позитивные сдвиги. Пройдет время, и по пробитым Стеф маршрутам, к наработанной ей публике потянутся на заработки наши диванные мастера слова, и будут считать, что это их собственная заслуга, эти аплодисменты и копеечки. Ну–ну. Я должен был сказать эти слова в предисловии, потому, что не могу не надеяться, что хоть в ком–нибудь они пробудят сознание, и человек пойдет и скажет: «Стеф, спасибо тебе за то, что ты для нас всех делаешь». Если Стеф издает красивую книгу своих стихов — это можете и вы, и не только можете, но обязаны! Потому, что этот мир вам ничего не должен, это вы ему должны вашу книгу! Где она? Книгу Стефании вы держите в руках, человек отстрелялся и сделал, что должно, и сделал хорошо. И в своих стихах Стеф та же, что и в жизни, речь с накатом, наездом, пристрастным вопрошанием. На кого наезжает поэт Данилова? На Господа Бога, разумеется. Так и надо, так и только так. Пусть ответит, с хрена ли все вот так. В этом первая функция поэта, функция Иова, дофакаться до Бога, как до столба, и не давать себя сбить с толку. А вторая — услышать ответ и честно нам его передать. Стеф это делает в старой арабской традиции, легшей в основу сетевой поэзии. Новые касыды пишутся как и века назад по принципу «убил последней строчкой», эта последняя строчка и есть ответ Ветхого Днями своему бОрзому мелкому вопрошателю. Данилова долго оттягивает тетиву чтобы отпустить её в последний момент — и крылатик пропадает со всех радаров (с). Я искренне желаю Стефании продолжать класть мир на лопатки. В этом большая польза и миру, и каждому из нас, даже если мы этого не догоняем по природной тупости. Время покажет. Держись, Стеф)

Сергей КАЛУГИН, лидер "Оргии Праведников"

В этих стихах мощнейший напор, и, прости господи, энергетика. И, стоит признать, ни одного проходного текста. Это нервно, бескомпромиссно, всё, как мы любим. Иногда хочется набить кому-то фейс по прочтении. Согласитесь, "Свидетельство о полусмерти" звучит не очень кротко.

*Василий ВАСИН,
лидер группы "КИРПИЧИ"*

ОКАЯННАЯ ЗВЕЗДА

Новый год? Да не смешите, мы видали поновей.
Каждый петербургский житель в сердце носит суховея
Или что ещё похлеще: ураган или тайфун.
Море чёрное расплещет старенький магнитофон,
Там, где я метр с кепкой ростом и ем кашу по утрам.
Там, где было очень просто хулиганить по дворам.
Жать звонки седым соседкам, до инфарктов доводя.
Палисадниковы ветки, самокат по площадям,
кипарисы Партенита, козы бегают в Керчи.
В окна тянет как магнитом гроздь спелой алычи.

Комары кусают, жарко, мама–мама, где зима?
Новогодние подарки, а за стенкой — чей–то мат.
Переходят стрелки с шага на несмелую трусцу.
На снегу лежала шапка, снегом било по лицу.
Это было, это сплыло, расскажи мне, кем стал ты?
Мозг не вымыть детским мылом от налипшей пустоты.
Я звезда под капюшоном в разномастных соцсетях,
Но никто из восхищенных не бывал в моих гостях.
Пусть не видно, но здесь лето, и летят качели ввысь.
Я построил из таблеток смерть, похожую на жизнь.

Нейролептик свяжет мысли сразу в оптоволокно.
Я включаю телевизор под названием окно.
С Новым годом, с новым счастьем, ну–ка, елочка, гори,
Сына — Петей, дочку — Настей, ну и что, что ты — чайлдфри,
С Новым годом, водка — сила, я умру? Сама помри.

Помню, шубу ты просила: под селедкой посмотри.
На втором глотке глинтвейна я зашить вполне готов
Перерезанные вены телеграфных проводов.
Были б нитки да иголки — пригодится школьный труд.
Я поставил вместо ёлки свой красивый свежий труп.

Чем щетина вам не хвоя? Книжка чем не пьедестал?

А во лбу горит и поет Окаянная Звезда.

ШАГРЕНЕВЫЕ ЩЁКИ

Как жаль избу, куда он не вернётся...
и слово совершает харакири.
Что он вернётся в дом родной — враньё,
сорокоустром спетое другими.

Не подсчитать поверженную тьму,
ломоть не съеден, не распита брага.
И ордена не выдадут ему,
не найденному в челюсти оврага.

А был ли мальчик? Был ли он всерьёз?
За кем в двери задёрнулась защёлка?
Мне жалко эту красоту до слёз,
вмерзающих в шагреньевые щёки.

РЕЙС 9268

"Все просто супер! Уже — обратно. Встретишь? Я сумки сдаю в багаж. Столько везу, и тебе, и брату, жалко, что не привезти пейзаж — но, по секрету скажу, у моря кое-что все-таки я украл. Да никакой криминальной стори, просто один небольшой коралл. Да не украл. Да купил! Пять евро. Море? Скорей кипяток, чем лед. Что ты, родная, какие нервы, будто впервые на самолёт. Завтра — точнее, уже сегодня — буду с тоской вспоминать прибор. Я сохранил еще девять сотен. Летом слетаем вдвоем с тобой".

"Мама, я счастлива. Так бывает только, наверное, в сладком сне. Чувства нисколько не остывают. Он предложение сделал мне... Да, прямо в полночь на побережье! Плачу? От счастья, от счастья, мам. Скоро любовь облака прорежет. Над Шарм-Эль-Шейхом висит туман. Легкий. Я бы такой хотела — свадебный будущий мой наряд. Мам, я пошла. То есть, полетела. Выход объявлен, там говорят. Он? В Duty Free, покупает боссу некий египетский "Sheridan". Знаешь, какие над Шармом звезды? Да, обязательно передам..."

"Бабушка, здравствуй! Такое дело. Место мы выбрали у окна. Внучка? Шикарно! Подзагорела. Да, у жены на руках она. Вот, что-то тянется к трубке, слышишь? Передаёт на своём привет. Стой-ка, секунду... а, номер вижу! *в сторону — дай-ка сюда билет*. Все расчудесно, а ты боялась: "нет, не вези ее, не вези"... Да у кого там еще усталость! Кто кого здесь еще тормозит! Глазом моргнуть не успеешь — будем! Нет, не придется скучать одной. Завтра опять в перепутье буден. Чай, не последний наш выходной".

Вылетел рейс девять-два-шесть-восемь
в сердце Безвременья Октября,
где никогда не бывает осень,
где лишь о море и говорят,
где — ничего, никого не бойся,

где — ни будильников, ни работ...

...вечно летит девять–два–шесть–восемь
в Самый
Последний
Аэропорт.

ПОТЕРЯННЫЙ ЧЕЛОВЕК

а ведь так посмотреть — а нет у нас ничего,
нам не ведомо даже то, как у нас дела;
ногти Господом Богом придуманы для того,
чтобы ими закусывать нервы,
как удила
почитаешь газет, посмотришь экрану в рот
покиваешь авторитетам
и встанешь в шесть
ты хотел бы все это сделать наоборот
но ничем, кроме жести,
стать не способна жечь
ведь страшнее всего не власти, не ГНК,
не шизофрения
не дефицит тепла
а когда–то любимая ласковая рука,
что вдруг стала тебе
железна и тяжела
и пушистая совесть, чья шерстка теперь шипы
и ты колешься ей
как
дезоморфинист—
ясный сокол,

от губ науки и уст волшбы
отодвинуться бы
не слышать весь этот свист
говорить только важное.
но из тебя опять
выпадает трамвайный звон и собачий лай
так семнадцать превращается в тридцать пять
после градусник лопнет
и опаньки
нет числа
нет числа твоим страхам, привязанностям твоим
недомолвкам, смертям,
пустотам,
шагам назад
если явью становится, значит, не так таим
не превращается водка на раз
в нарзан
никаких вопросов,
кроме "как тебя НЕ зовут"
и
"когда все успело ТАК далеко зайти"
это кажется,
что
до истины
пять минут.
а на самом деле тысячи лет
пути.

ТИХУШНИЦА

А её же со школы считали тихушницей: после классов пить пиво в подъезде ни–ни, так себе и жила: червячком, бесподружницей, будто вышедшей из непрочитанных книг. А влюблялась в кого–нибудь, чтобы до дрожи, а? Называла кого–то в письме дорогим? Вроде была ничего, да и парни пригожие, да вот как–то одно не вязалось с другим. Всё на ней свитерки обязательно — мамины, а такие цвета, что и серый — цветней. Взгляд никто не видал: за очками был — каменный. Ну и кто бы сумел размечтаться о ней?

А вот я расскажу, да такую историю — если вру, пусть мой сад до травинки сгниёт: мы с приятелем давеча крупно повздорили, потому что безумно влюбились... в неё. То ли хмель выпускного ударил нам в головы, то ли просто моча... И погнали мы в бой. Мы дрались как пираты, нашедшее золото, только не за неё, а с самими собой. Мы, как два идиота, стояли под окнами, мы букеты цветов приносили в зубах, и костюмчики ладненько были подогнаны, и от шеи — Dior, а в наушниках — Бах.

А она... психанув, замутила с обоими. Я гонял с ней на Север, приятель на юг. Я клеивал нашу квартиру обоями, а вчера бы сказал, что не нашу — мою. А приятель с ней жил то в бунгало, то в хижине, а потом на Рублёвку на бентли увёз. Впрочем, этому был я ничуть не обиженный: я всегда с ней летал выше Солнца и звёзд. Только всё это было отнюдь не в реальности, а в любовном романе, написанном ей. Почеркушки её были меньшей из странностей, в чём её замечали на школьной скамье. Если честно, я парень вообще не читающий, просто экранизирован этот роман.... Мы фигели со славы её нарастающей, мы ходили в кино и сходили с ума. Билетерша–старушка смотрела по–доброму, и — бесплатный билетик на лишний сеанс. И актёры так правильно были подобраны... в сто, нет, тысячу раз настоящее нас.

А потом в интервью было чистосердечное: "я всегда невзаимно была влюблена. Да, и сразу в двоих, и смеяться тут нечего, но пишу, и как будто бы я не одна. Ну конечно же, я их обоих придумала, ну конечно, с три короба вам наврала, что вы все, в самом

деле, как будто подумерли, я от смеха сейчас и сама умерла". Ни приятель, ни я не посмели явиться к ней, и ни с кем почему–то не можем сойтись, потому что мы оба стоим за страницами, как двуглавый, безрукий, безногий артист. Потому что завязка развязки не требует. Потому что нам нечего больше ловить. Потому что велением Высшего Препода мы отчислены из института любви. Ну и чё... мы не бегаем больше под окна к ней. И с приятелем морды друг другу не бьем. Мы вконец омертвели от собственной погани и сидим, да бухаем в хламину вдвоем.

А она... что она, все живет наблюдателем. И выходит на улицу, словно в кино. А заделать в сознании трещины шпателем никому почему–то из нас не дано.

ПРОПУСКАЙТЕ

Пропускайте вперед,
уступайте места
тем, чьи помыслы, руки и совесть чиста.
Тем, кто жил на разрыв. На надрыв. На обрыв.
Тем, к кому так нечасто бывали добры,
но не переманили на сторону зла.
Тем, кого смерть у жизни почти унесла.
Тем, кто знает такое, что лучше б не знать,
кто творит по ночам, презирая кровать,
кто семёрку грехов испытал на себе
с поцелуем удара на нижней губе.
Тем, кто верит в любого, кому веры нет.
Продолжающим видеть в закате рассвет.
Тем, кто был в темноте на свету, на виду,
пересохшее имя сжимая во рту.
Тем, за кем шли войска, и горели мосты.

Это, может быть, я. Это можешь быть ты.
Тем, кто выжил не раз, но сегодня умрет.
Тем, кого ни одна наркота не берет —
Уступайте места.
Пропускайте вперёд.

В так им нужные

Поезд.
Корабль.
Самолёт.

ПОДВОДНАЯ ЛОДКА

Хочу укрыть себя за дымкой,
вобравшей и табак, и мглу.
Стать человеком—невидимкой,
расположившимся в углу.

И слушать, слушать до упаду,
покуда в сон не упаду,
философический припадок
тех, кто со мной в одном аду.

Пока я вслушиваюсь в голос
и натяженье медных струн,
у смерти вырываю волос
и подношу его к костру.

Эффект присутствия обманчив,
и я не здесь, и ты не здесь.
Будь ты хоть девочка, хоть мальчик —
ты почему-то здесь не весь.

Мы все в одной подводной лодке,
на том стоим? На том плывем,
закусывая водку лОктем,
а если надобно — локтЁм.

Нас кропотливо собирали,
нас отобрали, как зерно —
нас отчитали, как морали —
завсегдатаям казино,

и обернули мешковиной,
чтоб утопить нас, как крысят,
Никто не поспешит с повинной,
когда грехи на нем висят.

Мы все — лоскутный сон друг друга,
как одеяло, как ландшафт,
стакан и дым идут по кругу,
но размыкает круг душа,

и, дав самой себе же откуп,
слетит за нашей крышей прочь.
Мы вновь придем на эту лодку.
И жизнь сойдет за эту ночь.

УСНИ СО МНОЙ

Усни со мной в облезлом палисаде
напротив бесполезного собора,
чтобы вся мгла, проглоченная за день,
не развела внутри меня сыр-бора.
Усни со мной за школой или дуркой,
на плитах с подорожником проросшим,
укрывшись от простуды старой курткой,
не думая о будущем и прошлом.
Усни со мной, переплетая пальцы,
уставшие от клавишных прогулок,
чтоб никогда вдвоем не просыпаться
в залитый тихим солнцем переулоч,

откуда выходить в чужие люди.
Усни со мной. Пусть ничего не будет.

ПАМЯТНИК САМОМУ СЕБЕ

И три года назад снег падал.
Подражать ему — неудобно.
Не поднимется снег, падла,
так и будет лежать сдобой.
Виснут с крыш голубые патлы.
Не убило пока, топай.

Обнимать, если есть руки,
что кричать, если есть глотка:

если переизбыток скуки
или мёрзнет на столе водка.
От монашки до потаскухи —
как с причала сигануть в лодку.

Кто в слова одет вместо кожи,
никогда не носить бейджа.
У поэзии язык божий,
над Обводным рассвет бежев.
Ничего не говори больше,
памятник самому себе же.

МОЙ 2018–й

Этот семнадцатый все размолот в труху,
гниль, декаданс и гадости за спиной.
Нет, не «прости», не «ом мани падме хум»,
не прикасайся ко мне, не ходи за мной.

А революции этой — сто лет в обед,
а вместо крови хлещет из глоток слизь.
Бывшие чьими–то рёбрами пару лет
переломавшись, заново не срослись.

Нет ничего сложнее, чем найти бинт,
Особенно, если он лежит на снегу.
Мой восемнадцатый будет меня любить.

Даже если я его — не смогу.

ПАДШИЙ – ПАДШЕМУ

Люди, падая, поднимаются нелюдьями.
Раздерешь ли костяшку, костей ли не соберешь.
Никотин, этанол и диэтиламид
трёхголосо и шестируко кладут под нож
миф о крыльях, прорастающих из спины.
О Незримом, который будит тебя с утра.
Об иконах, проступающих из стены,
и о чуде нерукотворном. Et cetera.

Только падший поможет падшему вознестись,
помня эхо потери памяти о тепле.
Вознесение — это история не про высь,
а про то, как самостоятельно по земле
шаг за шагом, не переходя на бег,
несмотря на саднящую кожу и хромоту,
грязь и наледь и дикую жалость к тому себе,
что когда-то почувствовал чёрную кровь во рту.

Я, наверное, потому и стремлюсь к тебе, говорящей "Встань и иди".
И встаю.

Иду.

НЕУДОБНАЯ КРАСОТА

не моргая смотри — неудобная красота
чернота снега и белизна листа
жизнь осталась в тумане на том берегу моста
а над мостом горит звезда мирозда

окончание боли это не свет, мой свет
окончание водки это еще не зож
если все люди — братья, чё ты себя в родстве
ощутить ни с кем с рождения не могёшь?

говорю с тобой переулочным языком
потому что язык проспекта и есть тот мост
над которым туман не низко не высоко
а как будто умело подогнанный под твой рост

поскользнулся упал очнулся — на пьедестал
гипсовой головой сложно назад смотреть
смерть осталась в тумане на том берегу моста
жизнь — уменьшительно–ласкательное от смерти

гипсовым голосом в гипсовой голове
гипсовый убаюкивающий мотив
несъедобным хлебом раскрошишься по траве
и останешься тлеть

так и не отпустив

ЗИМНЯЯ ВИШНЯ

Зимней Вишне снится старинный фильм, разговоры и тонкий смех.
И внезапно титры волной огня поднимаются снизу вверх.
Миллионы воплей взорвут эфир, чёрной гарью осев на мне.
Ничего, ничего не случится с тем, кто останется там, в огне.
Явь не станет сном, как ты ни крути стрелкам шею назад, назад.
Яркий свет впечатается живым в их отчаянные глаза.
В трюме звери, люди, мечты, цветы, только Ноя в ковчеге нет.
И приходит море огня, и ждёт шестьдесят четырёх на дне.

Шестьдесят четыре. За цифрой — вход, утонувший в густом дыму.
Не пойми меня правильно, я и сам ничерта себя не пойму:
Я смотрю на огонь. Это хуже, чем бесконечно смотреть во тьму.

ЭТО ВСЁ СКОРО КОНЧИТСЯ

Это всё скоро кончится. Правда. Я зуб даю. Скоро лето — а это значит, велосипед, переспелая вишня, солнечное превью, на концерты чужого моря возьмем билет. Список летнего чтения выронив на бегу, я спешу стать героем книги о волшебстве. Словно буковка на листе, я лежу в снегу, это всё скоро кончится, и утону в листве.

Это всё скоро кончится. Выпадет первый снег на усталые головы сталинок и хрущоб. Я отчаянно есть, а вас никого здесь нет, вы любили меня, и я не хочу ещё. Не хожу ни к друзьям, ни к магазинам, ни к докторам, не смотрю телевизор и даже не пью вино. Я хочу просыпаться маленьким по утрам и влюбляться в сирень, лезущую в окно.

Это все скоро кончится. Кончится, я сказал. Перестану ходить на памятные места, как на Титаник сотый раз в кинозал, вспомню, кто я такой, забуду, кем я не стал. Я заброшу стихотворения и табак, научусь всему, чему так давно хотел. Побеждают же олимпийцев. И даже рак. С неба сыплется отвратительный школьный мел.

Это все скоро кончится, точно вам говорю. Интересно, как именно. Выстрел или удар? Темнота или свет? Охра или эक्रю? Если праздник, то то я для праздника слишком стар, если же там война — то я не хочу войны. Я всю жизнь ожидал логического конца, бирюзового ветра, дрожжи в руках весны. Я отдал ожиданию годы и месяца. Думал, все это скоро кончится и пройдет. Будет непринужденно, радостно и светло, и семёрка не в первый раз повторённых нот между мною и миром сможет разбить стекло.

Это все скоро кончится. Я подхожу к концу. Это не кризис веры, не гордость за.

Интересно, что смерть придумает мертвецу, как живущему — жизнь в открытые лжёт глаза?

Я ОБЕЩАЮ СТАТЬ КОСМОНАВТОМ

Уже второе.

И где петарды, а где снаряды —

Уже не важно, как и все то, что вещает Путин.

Как в телефоне не хватит тогда заряда,

Когда ответом жизни и смерти вдруг это будет —

Не хватит света. Не хватит слова. Оно нетвёрдо.

Не хватит нас

Ничего здесь,

Кроме удара.

...дверь открывается, словно громадный сверток.

За нею холод.

Я принял такой подарок.

Все есть как есть.

Меняются только цифры.

Я сделал двадцать два шага из ста возможных.

И чистый спирт, как всегда, перевесит цитрус.

Налей мне чаю.

Зеленого, если можно.

Перешагнули из тридцать первого во второе.

Как игры в классики.

В шампанском морские всплески.

Сделай меня счастливее вдвое, втрое!

Я ноль, поэтому умножение бесполезно.

Но то, что мне далеко до крестика — это правда,

И я успею сложить миры из говна и палок.

Мне девять лет. Я обещаю стать космонавтом.
Весь космос в нас.
Но нам почему-то мало.

КАШТАНКИ

Мы с тобой, милый друг, чеховские Каштанки.
Нам бросают куски на нитке, мы ловим их.
А потом обратно тащат свои обманки
из наших желудков, не стесняясь себя самих.
И, когда нам достанется честный жмых,
нас непременно вывернет наизнанку.

Как мы только ещё гуляем среди живых.

БЕСКОЛЁСНЫЙ ВЕЛОСИПЕД

почему вы так непопулярны, гражданка данилова
вы могли бы писать о главном
политике
ЛГБТ
вас могли бы петь группы, платиновые, виниловые
а вы о своей платонике
и т.д.
почему вы, данилова, не метите в большую литературу
название вашей восьмой книги не выговорить никак
вы, данилова, клинический случай. вы просто дура.
берите пример с тех, кто играет на верняке

наверное, мне нужно было родиться
девушкой с еврейской фамилией
состоять из строгих неправильных черт лица
никогда не носить ничего, кроме черного
или синего
писать монографии про каждого свежего литературного мертвеца
жить в квартире–студии без мебели в центре центра
как издательство — не вступать в переписку и в разговор
и никаких пабликов,
и тем более что вы не давать никаких концертов
только толстые журналы, только хардкор
и тогда бы у меня все было
передача вслух на канале культура,
премии: григорьевка и дебют
обо мне бы сказали: большая литература
обо мне бы сказали: а завтра ее убьют

но я родилась
девушкой с обычной фамилией
я не пойду покупать пистолет, когда мне исполнится 26
я люблю хохотать не по делу, я бываю ужасно милая
и розовое платье у меня тоже, представьте, есть
и пишу я о том,
что интересно мне,
а не какому–то черту лысому
мое слово не из разрушительного — из созидającego огня
мне не стать ни мессией, ни поэтессой по вызову

и моя фамилия вполне устраивает меня

и что вы ко мне прикопались,
господи
захочу — буду писать о море,
или про маяк на колесиках,
или выдумаю название, которое не выговорит и логопед

а вы продолжайте
изобретать
никуда не едущий
бесколёсный
велосипед

ЛЕТО ВЫХОДИТ ВОН

Очередное лето на сцене города
играет из рук вон плохо,
И зритель спит.
Продюсер разочарованно чешет бороду,
Как будто бы не гитара, а он — разбит.
Продюсер мечтал, что лето получше Джареда
Сыграв на морском и солнечном языке
И в сентябре вернется на бис под жаркие
Аплодисменты, горящие на руке
Каждого из присутствующих романтиков,
Вечных бродяг и Парада семи планет
Но видится черте что, даже сбоку бантика
Как оказалось, нет.

Лето прольется в залу холодной музыкой
Кто-то смеясь снимает на телефон.

Не оправдав ожидания ни продюсера,
Ни одного из нас,
лето выходит вон.

РЕКА ОДНОГО БЕРЕГА

кто я? рыжая?
кем я буду, если покрашусь или побреюсь под мальчика?
кто я? филолог?
кем я буду, если забуду слова?
если все, что я написала, вычеркнут начерно?
кто я? студент?
но меня могут отчислить или взорвать институт
и тогда я уже буду не студент, а покойник
(в этом плане я, конечно, спокойна.
я отчислюсь дипломированным специалистом
по собственному желанию,
когда настанет пора покинуть эти чудесные стены,
где игре в оркестре меня учили,
но увы,
я стала солистом).
кто я?
стэф?
но я могу назвать себя вероникой, анной, лючийей
или еще каким-то красивым именем из синих книг,

мне ничего не стоит назваться марком
или вообще взять ник.
кто я?
гражданка прекрасной страны?
я могу сменить гражданство по велению левой пятки
и некоторых бюрократических процедур.
никто не исключает войны.
я не люблю войну, как и других дур.
но моя любовь и нелюбовь разве на что–то влияют,
разве кому–то нужны?
кто я?
созерцатель?
кем я буду, если ослепну или если погаснет свет?
кто я?
голос?
кем я буду, если оглохнет мир или связки сойдут на нет?
кто я?
та, которой 21?
но мне будет и 22,
а может их и не быть.
просто бывают внезапны схождения льдин.
или машины, целующие столбы.
еще говорят — "скажи мне, кто твой друг,
и я скажу тебе, кто ты".
у меня достаточно пестрый круг.
кто–то рассказывает анекдоты,
кто–то предпочитает спирт,
кто с кем попало спит,

кто получает ученые степени, кто по морде.
кто одет не по погоде,
зато по моде —
это не значит, что я смешная,
или алкоголик,
или девушка с легким дыханием,
или доцент,
или модель,
или добрая,
или люблю котов так же, как любят их все они.
это не значит, что я вообще должна зарифмовать этот список
или что-то кому-то вообще должна.
кто я?
я не могу дать однозначный ответ.
что звонок другу, что помощь зала мне — тишина.
я могу еще назвать
город,
в котором я рождена,
но в котором меня больше нет.
я не потеряла себя
и не нашла,
и кто я — вопрос, разумеется, риторический.
один друг сказал мне, что я — одна из ламп,
красиво звучит,
но сбивает электричество.
один враг сказал мне, что я никто,
что не стану никем.
но я ведь уже никто, как могу я никем не стать?

я могла бы сказать, что я — манекен,
но я почему-то дышу и не могу перестать.
я могла бы сказать, что я — этот текст,
но текст не наденет мои ботинки и не сдаст за меня экзамен.
ему не нужно ни спальных, ни призовых мест.
хорошо, если этот текст будет с моими глазами.
я — последняя буква,
но не во всех алфавитах.
я — немецкое "да",
например.
и много слов, менее очевидных.
и без двух букв стихотворный размер.
я звёздная пыль и дочь,
и в этом я точно уверена,
и в том, что уже никогда не буду сестрой.
кто я?
река,
река одного берега.

и не знаю, хочу ли найти второй.

НЕБОЛЬНО

мы привыкли к тому, что не больно уже не будет,
не бывает, чтобы не больно, что это сказка такая,
так и жили,
сквозь зубы, судороги и бури,
так и жили, земли не чувствуя под ногами,

море, море вокруг — ни берега, ни напиток,
да настолько солёное, что даже не утонуть в нём,
волны переворачивали страницы
мы учились видеть столетья в одной минуте

и не мы становились морем, а море — нами
посекундно вбирало всех нас
капля за каплей
наблюдали за своими похоронами
мы не жили, не пели, не вспыхивали, не зябли

не мечтали ни стать счастливым, ни сгинуть в бунте.
танцуй, хотя бы в костре, пока молодая
мы привыкли к тому, что не больно уже не будет.
а «небольно» пришло.

и как в нем жить, не страдая?

МОЙ НАРКОМАНСКИЙ ДВОР

Правда ли, мамочка, что жизнь и смерть — синонимы? — я вопрошаю маму, и мне пять лет. Мама ведет рукою от моря до неба; правда, всё это правда — её ответ.

Никто и никогда со мной не сюсюкал. Мне даровали право знать правду про мир, состоящий совсем не из барби–кукол, где всё прикрыто патиновым добром. Я не скажу, что видела слишком много. И горе мое не то чтобы от ума, но вот кадр из детства: волочит больную ногу на верхний этаж Витенька–наркоман, в соседней парадной Саша с бандитской мордой варит супы из пойманных голубей, Настя–путана голову носит

гордо, а баба Зина учит любить людей и продает наркотики в палисаде: родственники у бабушки — все менты. Наверное, там родился во мне писатель, где эти люди топтали мои цветы, двор усыпая окурками и шприцами, кто подберет с земли, тот схлопочет СПИД. Мне нужно выспаться, завтра с утра экзамен, но у кого-то днюха, и двор не спит.

Мы на качелях с Леной, сестренкой Насти, бабушка говорит, что у Лены вши. В мобильные телефоны уткнулись власти. Двор пахнет ханкой. Бабушка: "не дыши". Витя толкает бабушку на ступени лицом, у него от ломки душа болит, и лестничная площадка в кровавой пене. А после его повесившимся нашли. По вечерам страшно до полусмерти: пьянь, наркоманы — все под окном тусят. Помнится, в гости я забежала к Свете, а у нее в бутылках квартира вся. Мама страдает женским алкоголизмом, мама ее работает продавцом, и если лицо изуродовано аневризмой, очень и очень сложно держать лицо. Ваня и Саша — брат и сестра-соседи — вещают мне про незащищённый секс. Я думаю, господи, боже, когда мы съедем. Когда же риэлторы нам завершат процесс.

Нет, я могу не только о негативе — память фотографическая дана, всё это — брызги грязи на объективе, нету такого солнца, чтоб без пятна. Мы переехали позже, к культуре ближе. Истина вечно в чьей-то чужой вине. Матерных песен я во дворе не слышу, машины здесь уступают дорогу мне, но я не прошу у Бога второго детства и тихих дворов для моих малолетних глаз. Если б мне посчастливилось здесь родиться, я бы, наверно, вовсе не родилась.

Правда ли, мамочка, что жизнь и смерть — синонимы? — меня вопрошает мой пятилетний сын.

Нет, мой хороший, что ты, всё это — гонимо. Давай-ка тебе я лучше нарежу сыр.

СИМВОЛ ДЕТСТВА, ТЕБЯ И ВЕЧНОСТИ

Я могу перебирать волосы.
Я могу держать тебя за руку.
Я не слышу твоего голоса.
Доктора только кормят «завтраком».
Ты лежишь и смотришь невидяще.
Потолок во взгляде не отражается.
Я, ни жестом себя не выдавший,
плачу небом, что крыши ржавятся.

Я прошу тебя — встань, хорошая.
И — встаёшь. И — как будто светишься.
И идешь по нашему прошлому,
как теплеющий южный ветер вся.
Я всё жду тебя у настоящего,
что расскажешь мне много доброго.
Я заснул головой на ящике,
с медицинской гремучей коброю,
и проснусь — в полуночи.

Ты — цела здесь,
Я — половинчатый.
Где берут по матери отчество?
Где-то — точно,
недавно
вычитал.
Ты лежишь, как святая старица.
Тишина от солнца — напевная.
Даже в сотню лет не состарится

для меня лицо, в жизни — первое,
что увидел я, новорожденный,
закричав не от страха — от радости.
Столько было с тобою прожито,
что у смерти хочу украсть тебя,
вот — краду. По секунде. Капельке.
Вдоху, выдоху. По движеньицу.
Твой сынок все такой же маленький,
хоть и скоро, дай Бог, поженится.

Вот бы — чудо, чтоб чадо увидела,
да на мир посмотрела заново!
Я не строил из тебя идола,
каждый идол
падает замертво!
Я могу перебирать волосы,
что всегда для меня каштановы,
я могу, не срывая голоса,
возвращения долгожданного

жаждать,
ждать
и молить, как будто бы
без тебя этот мир — хоть в печь нести!..

На столе — букет с незабудками.
Символ детства.
Тебя.
И вечности.

В СЕТИ НЕ НУЖНО БЫТЬ СЕРЬЁЗНЫМ

В Сети не нужно быть серьёзным. В Сети серьёзным быть нельзя. Объект, летай! Ты неопознан! Летай, по профилям скользя. Поставь, что лет тебе под триста, что ты на Кеплере живёшь и там работаешь баристой и льёшь метеоритный дождь в бокалы инопланетянам, с Земли, Сатурна и Луны. Сюжет немножечко натянут и без особой глубины, но все равно впиши до кучи. И имя выдумай, и пол. Мужской и женский — это скучно. Ни ФСБ, ни Интерпол тебя в Сети не распознают под именем, лишённым букв. Напишут: ты больной/больная. Ответь: "Увидимся в гробу". Дерзи, хаами и будь смелее, представься суперсуществом. Нет аватарочки милее, чем та, где ты под веществом. Ты в комментарии об этом друзьям поведать не забудь, пусть знают все, что ты с приветом, и сам тебя избрал твой Путь. Пиши, что ты употребляешь амфетамин и Триган–Д, что водку пивом разбавляешь, чтоб опосля блевать в биде. Пиши, что без проникновенья ты спал с семнадцатью зверьми, что шоколад пускал по вене, но не втащило, чёрт возьми. Пиши, что Родину продашь ты за однополую любовь — в Сети же это пишет каждый и специально метит в бровь, а в глаз — на административку потянет, на реальный срок. А в жизни не забудь спортивную и не прогуливай урок. Пиши, что ты здесь самый главный и лопал киви целиком. Повеселись в Сети на славу и продолжай быть сопляком, Мисс Мира, гиком, поэтессой, экс–президентом — будь собой. Пусть будет вместо желтой прессы тебе весь шарик голубой, который сам себе построил в Сети, как дом построил Джек. Друзей в Сети ты не расстроишь. Их и в реале нет уже. В Сети ты — рыбка золотая. Плыви на лайка червячок. И кто–то, ножками болтая, тебя подсадит на крючок.

Ты нахватаешь с неба звёзды и вставишь их в чужие лбы.

В Сети не стоит быть серьёзным.

В Сети вообще не стоит быть.

СИНИЙ КАРДИНАЛ

I.

Серые кардиналы уже не в моде.

Синий кардинал всегда одевается по погоде,
в цветовой гамме воды и неба.

Он продюсер локальных зрелищ, сеятель хлеба,
вместо которого иногда вырастают камни.

Сквозь него хлещут деньги.

Он не трогает их руками,
он вообще не ищет себе наживы,
и не то чтобы он переплюнул Шиву,
но у него явно более шести рук.

Он никому не враг, никому не друг,
он — Так,

Как Надо,

хуже не будет, и лучше — тоже.

Профурсетки к нему желают попасть на ложе,
не подозревая,

что он бесполоый асексуал

и сердце его гудит как большой вокзал,
не нуждающийся в поездах или пассажирах.

Если кто-то при нём начинает беситься с жиру,
то его убирают,

как след от подошвы с пола —

уборщица, знаменитая руганью на всю школу.

От него зависит, проломится или нет
та ступенька, которая выше.

Он не зол и не добр,
но я его ненавижу.
Синего кардинала знают все и никто.
Под его нагоняющим страх пальто —
часовой механизм из тысячи шестерёнок.
У шестерёнок есть имена и лица.

Голос в моей голове чрезвычайно звонок:

"Если хочешь выжить,
надо крутиться".

II.

Я вижу синюю тень в толпе
Я буквально чувствую на себе
Как он переворачивает страницу
синей тетради с моим личным безличным делом.

Завтра в речной тетради найдётся тело.

Не сбежать белке–стрелке из чертова колеса.
Единственный выход —
пожалуй, закрыть глаза.

III.

"Ах, несчастный случай, жаль, такой молодой.."

Шестерёнки исправно крутятся
под водой.

ПИСЬМО АРЧЕТУ

Любила, когда ты был двадцатитрехлетним.
Учил нужным книгам и безалкогольной грусти,
еще — множить смыслы, и как можно меньше — сплетни.
Предупреждал, что и меня отпустит.
Оно так и вышло. Остались сестрой и братом.
Расколотым циферблатом висит затмение
над каждым из мест, куда не прийти обратно.
Подсолнечные места для меня — отменяют.

И столько наград, что впору менять обои
в любой из дотла прокуренных мною комнат.
Кажется, каждую я выбивала с боем,
только об этом почти ничего не помню.
И столько людей, оставшихся за плечами,
но не сумевших ни крыльями стать, ни пледом.
От каждого я хожу и звеню ключами,
как от особняков на других планетах.

Сейчас двадцать три уже на моих настенных.
А на твоих электронных под двадцать девять.
Я каждый день выхожу за пределы тела
и ничерта не знаю, что с этим делать.
Ни ориентира, ни маяка, ни знака,
а вспомню, как толковала неверно — вздрогну.
Хоть шею сверни, хоть вывернись наизнанку,
а из себя эмиграция — только в окна,

чтоб угол взлета был равен углу паденья.
Меня не зовут по имени и на танцы,
и больше никто не дарит на День Рожденья
слова, от которых хочется просыпаться.
Любовь — как невропатолог. Закрой глаза и
два указательных пальца сведи-ка в точку.
Сюжетная проблематика осязания
неутешительно впишет в анамнез строчку.

Не каждый способен выдержать взгляд, куда там
витийствовать о каком-то совместном быте.
Я на мосту из тире жду вторую дату.
Кому тянуть руку, чтобы проситься выйти
за собственноручно строенные границы?
Не превращая трагедию в клоунаду?
Чтоб, засыпая с тем, кто годами снится,
отсрочить момент падения в сон как надо?

Так много вопросов. Я знаю на них ответы:
мои же стихотворения мне — шпаргалки.
Но именно я вытягиваю билетик,
ответ на который в сансару вставляет палки.
Я раскидала вещи по разным нишам
и выбросила деньгами стихи на ветер.
Ты говоришь: что дальше, сама увижу,
умалчивая, что глаза потеряют в цвете.

ОЙКУМЕНА

Все прекрасное — эфемерно.
Смысл в миксере измельчён.
Бескультурная Ойкумена
громко ойкает за плечом.

Изменяются, как фракталы,
те, кто был от тебя куском.
Отчего же ты, фрик усталый,
залипаешь в калейдоскоп?

Дружбы не было, нет, не будет.
Ты глядишь, натошак куря,
как она с тридесятком судеб
исчезает из словаря.

О любви говорили в фильмах.
Больше вовсе не говорят.
Это в море летят дельфины
и целуются жизнь подряд.

Путешествия тянут к дому.
А из дома влечет туда,
где бросают тебя в свой омут
неизвестные города.

Можно спрятаться в лес и в горы,
если выжить сумеешь в них.

Но в тебе притаился город,
и ты пишешь его, как стих —

пишет , кто не писать не может.
Бедный маленький графоман!
Бог молитвы твои ерошит,
как неверующий Фома.

Всю твою над собой работу
перемарывает, грубя.
У него поважней заботы,
чем спасать тебя от себя.

ОДИНОКА НЕ ТА

Одинока не та, у кого никого нет.
А та, у кого живёт получеловек.
Он приходит с работы, включает на кухне свет
и ложится, храпит, а она не смыкает век.
Как там было, в начале, Слово? Да больше ври.
Было—сплыло, сдаются кольца в металллом.
В сорок лет впервой начинает взятяг курить,
потому что рубашка пахнет чужим теплом.
Сорок лет за плечами, дети за рубежом,
в холодильнике ей любая еда пресна.
Лучше б он занимался убийством и грабежом,
и она приходила в тюрьму к нему, как весна.
Интересно, он её водит на _их_ кино?

Сон увижу про них, да солью его солью.
И подружка, мечтательно пригубив вино,
проклянёт себя:
"вот бы мне такую семью".

Было бы легче, если бы он был... гей.
Или бы провалился в тартарары.
У нее играет бесконечное Wicked Game.

И она не видит выхода из игры.

СТАВЬ НА ВЕРНЫХ, ДЕТКА

ставь на верных, детка. всегда на них.
отзвучит вторичный паршивый стих,
замолчит раскрашенный свистопляс,
отведет толпа сто потухших глаз
там, где градус выше, а шутики — ниже.

ставь на верных, детка. настанет час,
и с фонарных стволов облетят афиши.
и сойдёт лавинами макияж
с тех, которым ломаный грош не дашь,
как проткнёшь их мыльный раздутый имидж.
с тех, которым манных не нужно каш,
только звёздную манну с небес, мой паж,
их природной наглости не отнимешь.

можно сделать грудь, можно сделать стаж,
манекен рядить в соболя, в плюмаж,

и ходить с раскатанною губою,
получать проценты с самопродаж,
над людьми возвыситься на этаж,
но не над собою.

ставь на верных, детка. на тех, кому
понимаешь: завидовать ни к чему,
не дворянской, а — дворовой породы.
горе бродит в них от ума к уму,
но не бродит хмель: такова природа.
к ним любовь придёт, и виной тому
тяготенья сердец народа.

их сейчас не знает почти никто,
но полюбят накрепко их потом
не за модный вид, не за медный профиль.
не за вовремя поданный шефу кофе.
не за это. и, Господи, не за то,
как бывает на фабриках звёзд в начале:
снят сначала фильм, а потом — пальто,
а потом — давай-ка с тобой вальтом.
каждый истинный голос — сейчас фантом.

золотой горой за закрытым ртом
высится молчанье.

и, когда последняя из афиш
тех, о ком бездумно кричал Париж
и отпродюсировал нувориш,
тех, с кем, в общем, с лёгкостью переспишь,

если дашь конфетку,
тех, кто ярок да звонок секунду лишь,
облетает с ветки,
чей-то голос пронзает собою тишь:

"ставь на верных, детка."

кто же верные?
как их сейчас найти?
бьют с размаху лежачие их пути —
равнодушием,
непризнаньем.
в чистом поле воин — всегда один.

я их знаю. мало, но всё же знаю.

ждёт их, к сожалению, впереди
не звезда во лбу, но дыра в груди —
белая,
сквозная.

ДВА ИДИОТА ГУЛЯЮТ ПО НЕВСКИМ ЛЬДИНАМ

Этот март не кричит котами, не бьётся чувством.
Два идиота гуляют по невским льдинам.
Выбор между искусственным и искусством
не сложнее,
чем между плахой и гильотиной.

У тебя есть дела, суррогаты всего на свете.
Конференции, бюрократия, РИНЦ и Scopus,
Ты как будто болеешь чувственным диабетом
и начинаешь любить этот странный топос:
где есть красные стены, их более, чем четыре,
где тебе говорить полезно, но лучше — слушать,
где у тебя ничего невозможно стирать,
кроме света, что еле в твою уместился душу,
где молчи и беги вперёд героиней квеста,
где провалишься —
ни "сохранки",
ни "левел-апа",
и так будет на протяженьи всего семестра,
как в Сибири от лихорадки бегут на Запад.
Это здесь и сейчас поважнее, чем быть любимой
или пить, вечеринкой и градусом ошибаясь.

Но два идиота гуляют по невским льдинам.
Ты их фотографируешь, улыбаясь.

Этот март не нальёт покрепче, но щедр на кофе,
незнакомых людей,
возможности и события.

Этот март и есть жизнь, столь близкая к катастрофе,
что остаётся разве что полюбить её.

КОСМОСКРЁБЫ

Я живу в космоскрёбе, и ты живёшь в космоскрёбе.
Здесь сверхновыми стылый кофе подогревают.
Чтобы выстрелить, мы стояли в стобалльной пробке,
на глазах выпрямлялась жизненная кривая.

Мы добились. Здесь нет аврала и неустоек.
Девальвации, смерти и сломанного кондея.
С коллективом не очень: тот — киник, а этот — стоик,
и на мили вокруг ни лабуха, ни халдея.

Нам обещано всё бессмертие всей Вселенной.
Невесомость и звёзды, ещё раз звёзды и снова звёзды.
Марс флиртует со мной, подмигивает Селена.
Я мечтаю вдохнуть земной загрязнённый воздух.

Бог настолько велик, что ему не предъявишь бунта,
ни свою правоту, разряженную и злую.
Карта памяти тела включается на секунду
электронного и небрежного поцелуя.

Высота бесполезна: и статуса, и зарплаты.
Наверху холоднее. В особенности, под утро.
Я надена большие серьги, цветное платье,
выйду к морю и окончательно пропаду там.

И ЧЕЛОВЕК ЖУЁТ

И человек жуёт, жуёт, жуёт, жуёт
Переварив одно, берется за другое.
Он жрет родную мать и съемное жилье,
он жрет, он жрет, он жрет такое и сякое.
Он жрет своих друзей, те весело хрустят
на коренных зубах, о мудрости не знавших,
он жрет, руками жрет, что дома что в гостях,
он говорит, что в детстве был недоедавшим.
Да он энергетик...
гоги...
ческий вампир,
и медиаговоно, и жир на сковородке
он жрёт, и на боках потом взрастает жир,
а человек все жрет
и даже стопку водки
схоямчит с хрусталем и вместе с пустотой,
с огромной пустотой всех телефонных будок
что после водки там дремала в стопке той,
и после он сожрет
свой собственный желудок
Он землю как фастфуд глотает не жуя,
он небо жрет горстями выплевывая солнце,
он постоянно жрет и как-то дохуя
уже он разжирел, и надо бы бороться,
но нет! не хочет он ни в тренажерный зал,
ни бегать по утрам куда его зову я
а дело в том что он и зал уже сожрал

и высрал из себя дорожку беговую
Он жрет меня, он жрет, но кто кого быстрее
сожрет, не знаю я: себя ведь жру я тоже
я самоед–ед–ед, сожри себя скорей
я копрофаг–фаг–фаг, и я говным–говно же

...и человек жует жует жует жует
индийский ом
ном ном
— так было есть и будет
не знаю кто кого быстрее подождёт
я есть
ты есть
мы есть
и есть все очень любим

НАДО БРОСАТЬ КУРИТЬ

Надо бросать курить,
выдал я, пробежав
пять километров в ритм
с ветром на брудершафт.

Сердце дало течь
кровью в охрипший мозг.
Мне от себя бечь.
Я до корней волос —

смолы да никотин.
Дело мое — табак.
Я бегу не один.
Сзади — под сто собак.

Мысленных, но живей
тех, кто сидит на цепи.
А в лицо суховей.
А в голове — "поспи".

Спи, не беги вдаль.
Дома кровать, дым.
Эка твоя печаль —
вымереть молодым.

Я не курил час.
Я пробежал пять.
Можно еще раз,
позже ещё опять.

Я вернулся домой.
Я не включал свет.
Грусть заел шаурмой
и не курил, нет.

Палку поджечь с конца
и поднести ко рту.
Дым идёт от лица.
Пустота в пустоту.

Это бессмысленно.
Это выдумал чёрт.

Желтой больной слюной
время моё течёт.

Думал русскую смерть,
не поднимая бровь.
Я захотел спеть,
но закурил вновь.

Даже бег от себя
невозможен в стране,
где города ребят
курят о нем — о ней,

где старики дымят
дружно за всё про всё.
Курение — это яд,
который нас спасёт.

Говоришь о большом —
так изволь прикурить.
Смысл у рта подожжён.
Я потерял нить.

Я не сверхчеловек.
Я закурил в сердцах.

Я продолжал бег
с лёгкими из свинца.

КАК–НИБУДЬ БЕЗ МЕНЯ

Я говорил, что брошу всё это к лету:
палочку с табаком подносить ко рту,
пить и курить, а также давать обеты,
что стану сменившим паспорт на паспарту
с памятным чем–то.

Билетом из ниоткуда
до никуда. Пакетиком от травы,
чем–то, в чём я уже никогда не буду,
я никогда не буду так прав,
как вы.

Мама встречает утро по ИТАР–ТАССу.

Доброе утро,
очередной шахид.

Сколько бы ни добавлено лемонграсса
в чай, он похож на водку от панихид.

Бабушка днями спит, а ночами плачет,
мудрствуя не лукаво
о всём былом.

Новый сосед на лестничной курит планчик.

Буду ли я его вспоминать с теплом,

если решусь когда–нибудь и уеду?

Там, где трамваи в принципе не звенят.

Там, где жара избавит от сигареты

на протяжении красочнейшего дня.

Там, где кредит легко заменить на кредо:

"Дальше, пожалуй,
как-нибудь
без меня".

Мир, где достаточно будет — стать частью мира.
Не заключать бессмысленные пари.
Но без меня не может моя квартира,
как старики на палочке — без перил.
Я, размечтавшись об ордене дезертира,
сжёг макароны,
плюнул и закурил.

КРИК О СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ

Приручить, что ли, юную книжицу?
Запылится на полке в Москве.
Молодым литераторам пишется
про какой-то немислимый свет.
Не леса, не поля: мегаполисы,
позолота любви напоказ.
Кто б вписал в медицинские полисы
хворь по кличке "намётанный глаз".

Русской речи прыщавая стражница
входит в русский язык понятным.
Молодым исполнителям кажется,
что весь мир аплодирует им.
Что, когда на застолье великие
поздравляют зубастых юнцов —

в Божоле, Саперави, Киликии
нет начал и не сыщешь концов.

Прочитаешь афиши — и вытошнит,
дай до урны господь донести.
Бенефисы двухмесячной выдержки,
микрофон словно скипетр в горсти,
размалеваны так, что художница,
взглядом сталелитейным звеня,
корчит диве недобрую рожицу,
акварельку пустую храня.

Мне не страшно за литературу, нет.
Выпьешь чуть, и глаза неверны:
прописавшиеся ниже уровня
моря строчек не так уж дурны.
Меж каким-нибудь Соей и Лосевым
кареглазые волны вперёд
катят бочку уже без философов
и Гвидонов, и чтиво всех прёт.

Есть такие, кому только пишется.
Не живется в подлунном миру.
Он не может насытиться пиршеством
букв, податливо льнущих к перу.
Ради строчки хоть в пекло, хоть в петлю лезть.
Альпинизм на бумажной горе.
Не допрыгались и не добегались
у себя во саду, во дворе.

Кто взрослее — ваяют трагедии.
Хуже некуда, валим отсель:
ты — на тракторе и на ракете я,
а вон тот оседлал карусель
и по кругу несётся, обдолбанный,
по домам, говорит, всех развёз...
Некто тихо выстраивал толпами
за автографами псевдозвёзд.

То аренами, то колизеями
ходят слушать неграмотных дам.
На симфонию шелеста зелени
я трамвайный билетик отдам.
Губы алые шепчут клишейное,
платье движется в такт жестам рук.
Да вертите, пожалуйста, шеями:
слава Господу, я близорук.

Кто орёт, нет, вопит, нет, безумствует,
микрофону хребет изломав.
То ль усатое, то ли безусое.
То ль невнятица, то ли слова.
Поддвигают всей площадью, бесятся,
как бумажная стая волков
на огрызок бумажного месяца,
а артист был... и был он таков.

Спьяну принявши сцену за подиум,
выкаблучивает, бог ты мой,

непонятка с гнусавой просодией.
Полечиться, что ль, шла бы... домой...
Подражает коллегам по дискурсу,
палец дай — отгрызет по плечо.
А сюжет из "Лонг–Айленда" высосан
и "отчаянием иссечен".

Кто помладше — на щёчках по ямочке,
несудимые, сам посуди.
Кто — в песочницу, кто — в лесбияночку
заигралась к своим двадцати.
Подарила любимому Вовочке
Изъязвленную ломкой строку.
Бедный Вовочка пробует водочку,
напросившись на чай к старику,

что полвека ночует за Пушкиным,
прерываясь на скучный обед,
он орет на хватёрку недужную:
"Современной поэзии — нет!"
И Владимир идет на русистику,
повторя судьбину дедка.
А девчонка кладёт листик к листику,
не мала, но и не велика.

Почему Вы — поэт? В объяснительной
одностишй не сыщешь вовек.
Капля жидкости зело сомнительной —
слёзы, водка, растаявший снег —

превратила слова в сокращения,
что калошами сунуться в брод —
все равно что нырнуть на Крещение
в отороженный проруби рот.

Есть Евразия, значит, Поэзия
тоже может быть материком.
Обещали, что там будет весело,
с катерком, с ветерком, с матерком.
Верить тем или этим синоптикам,
если я одинаково чужд?
Каждый может разжиться блокнотиком
и записывать всякую чушь.

КАКОЕ СЧАСТЬЕ, ЧТО НИКЕМ НЕ СТАЛ

...Я знал кумов, потомков, протеже
людей, увековеченных в граните.
Они гуляли в барах, в неглиже,
в не самом восхваляющем их виде.

Одетые в костюмы от того,
от этого пахучие духами.
Посторронись! Я — дружка Самого!
Плевать, что не знаком с его стихами.

Плевать, что предки сделали мои.
Зато они проторили дорогу
мне,

продолженью княжеской семьи...
я продолжаю мысленно: уроду.

Плевать,
что киснет голубая кровь
в руках, что разжирели от безделья.
Плевать, что пью, что мордой стал багров,
я внук Того, о чьём великом деле

все помнят,
значит, я навек священ.
Богopodobен. Неприкосновенен.

Мне очень страшно от таких вещей.
И радостно, что не течет по вене

никто,
кого проходят в школе,
чтут,
чье имя служит пропуском, карт-бланшем.
Знакомство с кем считают за мечту,
а чьи капризы не сочтутся блажью.

Седьмой кисель из тридевятих стран,
покоцанное золото фамилий.
Мужчина представляется: сестра
такого-то.

Чтоб все его
любили.

Мне доводилось видеть имена
и гобелены целые регалий.
А также слышать, как они шлют на...
И видеть, как на галстуки рыгали.

Жаль, я не воплотил свою мечту:
узнать людей, великих не на шутку,
чьим именем прикрыли наготу
души, что отлетела на минутку,

перевернув великого в гробу.
Святой источник — лишь первоисточник,
что обезвожен, выжат, обесточен
потомками с потёмками во лбу.

Какое счастье, что никем не стал.
Героем, божеством, сверхчеловеком.
ни тем, кому воздвигнут пьедестал,
ни тем, кого пинком с него низвергнут.

ИНСТРУКЦИЯ ПО ПОЛЬЗОВАНИЮ ВОДКОЙ

Проведи уже в себе уборку.
У тебя наблёвано в душе.
Водку надо пользоваться как хлорку,
ты же ведь не маленький уже.

В голове твоей — как взрыв на кухне:
по углам засохшие слова,

потолок от грязи скоро рухнет,
это ужас, а не голова!

Эту грязь чужих "чистосердечных",
Встреченных на жизненном пути,
мокрой тряпкой не отчубуречить,
Никаким скребком не отскрести.

Прибирали–недоприбирали...
Твой психолог сам стал грязным весь.
Здесь уже не просто кошки срали,
Сто слонов опорожнялись здесь!

Если вдруг не хватит мятой сотки —
у меня с собой еще одна.

Так что вот тебе бутылка водки.
Пей до дна, чтоб утром всплыть со дна.

УСПЕШНАЯ ЛЕДИ

Успешная леди победам учёт не ведёт,
наверно, поэтому и не ломается стержень.
Вчера в нее втюрился очередной идиот,
в момент превратившись в ледышку от глаз опустевших.
Профессионален дотошный её макияж,
улыбка её совершенна для телеэкранов,
на вид настоящего возраста точно не дашь.
Две бездны в глазах, две открытые синие раны.

Со школы она не нуждалась в поддержке подруг,
умея в дворец превратить даже дом обветшалый.
Ничто никогда у нее не валялось из рук —
наверное, все потому, что она не держала.
Она не цеплялась за деньги, людей и дела,
они уходили с единственной целью — прийти к ней,
обратно и снова, делиться собой пополам,
для всех конкурентов на долгое время притихнув.

Успешная леди опять одержала успех.
И время раздаться по залу закадровым смехом.
Две бездны в глазах — неснимаемый чёрный доспех.
Успешная леди смеётся с акцентом морпеха.
Успешная леди не ведаёт трезвых ночей
и курит афганский гашиш из подаренной трубки.
Она никогда от себя не теряет ключей.
Вокруг разбиваются люди на пары, на группки,
с ней кто-то присядет собою разбавить коньяк,
но через две стопки, как от чумы, отшатнётся —
неважно кто, альфа-самец или просто маньяк —
кому ты нужна, леди цвета погасшего Солнца?

Успешная леди не ищет себе никого.
Она похоронена в мятой конфетной обёртке
на уровне трех сотен метров под хмурой Невой,
и выглядит слишком, наверное, живо для мёртвой.
Затерян в дрянном городишке её адресат,
обкурен духами возлюбленных, будто бы крэком.
Успешная леди не будет круги нарезать,

как черная птица из гребенчиковского трека.
Успешная леди не даст ему знать о себе
до крайнего круга своей невезучей планеты,
и выпьет еще, чтобы завтра идти по судьбе
и быть недоступной влюбленным в неё абонентам...

И ноги ведут меня в первый попавшийся бар,
и я забираю её ото всех, отовсюду.
Успешная леди опять пропила гонорар
и веру в свершение обыкновенного чуда.
Я вышел лицом, но не тем, что желает она
увидеть напротив в любой точке этого мира.
Успешная леди не будет в меня влюблена.
Не быть победителем мне и не быть дезертиром.
Я — ложь во спасение тысячелетней души,
не тот адресат на заплаканном воске конверте.

И то, что сегодня мы с ней просто так согрешим,
не больше чем повод отвлечься от собственной смерти.

ТРАМВАЙ ЛИТЕРАТУРЫ

занимайте места в трамвае литературы
от литеры до тура / Литера до Атуры
в первом случае это кривые буквы трехлетки
познающего яблочный дух письма
и концерты в тысячах городов, и глотки саднят
во втором — поселки негородского типа
далеко–далеко,
там, где нет меня.

что мы делаем в детстве?
сидим на коленях у мамы
или трамвай переполнен, а мы стоим,
прижавшись к ее ноге
(яблоко прижимается к корню своей яблони сквозь толщу земли,
земля пахнет окурками и подошвами, яблоко не понимает запаха).
а если сесть повезет — что вы помните из поездок?
я помню, как отколупываю с сиденья кусочки кожи,
смотрю в окно, там леса
я пишу в блокнот про леса
смотрю в окно, там море
я пишу в блокнот про море
я еще не знаю, кто такие акыны и зачем заводить блокнот
у меня есть ручка Corvina из длинного супермаркета
и блокнот, на нем ваза с цветами, мамин подарок, чтобы я что-то писала в нём
пробую на ощупь рассказ
касаюсь очеркова плеча
и рифма еще скала, а ручка — плохой резец,
об умении пользоваться не говорим, пишешь — и молодец

а вырастаешь и всё, не успел занять место — вылетел из трамвая.
будешь живой. или живая.
волочь себя за собой мешком.
и пойдешь пешком.

я заметила, что в некоторые дни
третьего апреля,
одинадцатого сентября

все такие большие, что не вмещаются по трамваям
кто успел — тот и сел, простые транспортные законы
и все постоянно звонят,
и литература в воздухе,
но больше всего ее в том вагоне,
который встает на дыбы на моей станции
и женщина с цветным рюкзаком громко спрашивает — а есть дети?
где дети?
все говорят о боли и скорби, носят цветы
кто-то тайно гордится окровавленным сапогом,
оказаться в вагоне мечтают все,
но им нужно маскироваться, что они так не думают.

дети в литературе идут горящим туннелем,
идут на тьму в его бесконечности, не боятся,
покуда взрослые что-то твердят про свет,
про счета за свет и про новый свет,
про свет глаз твоих невероятных
и цитаты из светских бесед.

сейчас трамваев все меньше и меньше
на моей улице раньше была трамвайная линия
сейчас о ней помнит последний житель, он умрет завтра
я не успею спросить, как его зовут,
как он выглядит,
как звенело и пело железо в окнах,
из которых я вижу отдел полиции,
школьный субботник,
продукты двадцать четыре

но если выйти под купол владимирского собора,
звенеть начинает всё,
можно даже кричать, что, мол, расступается мгла
потому что трамвай появляется из–за угла

я не знаю остановок его и его депо,
и нет смелости, чтобы прицепиться к нему, как в советском детстве,
и поехать
сквозь весь этот сказочный
непередаваемый
хтонический
звон
стать им самой, превратиться в звенящий дым
разбить все стеклопакеты и собрания сочинений
так долго стоявшие за стеклом,
сами ставшие им

ДВИГАТЕЛЬ ВНУТРЕННЕГО ВЫГОРАНИЯ

Как сказать,
чтобы звучало легко и просто:
я устал от погони
вверх
за личностным ростом.
Эполеты восторга —
липкие,
как короста,
покрывают мои вешалочные плечи.

и все время
все время
мне кто-нибудь что-то лечит.

Я притворяюсь больным,
включаю автоответчик.

"Абонент не может ответить на ваш звонок.
Чем больше вас,
тем больше он одинок.
Бесполезны ментальный пендель или пинок.
Абонент слушает тишину,
не как подкаблучник — свою жену,
древлян сжигающую княжну,
абонент отключен
списан
снесён
отказан.
Не в состоянии подчиниться ничьим приказам".

Тишина
многоголоса
и многоглаза.
В ней живут мои будущие стихи
без деления на хороших и на плохих.

Остальное — кино для незрячих, бег для безногих и музыка для глухих.

ПЯТЬ, ЧЕТЫРЕ, ТРИ, ДВА, ОДИН

На невидимом счетчике, глянь, километры множатся.

Счастье через всего... Пять...

Четыре..

Три..

Два.

Один.

Я бы бросила, я сказала б, что мне неможется,
но мотор заведен и вздёрнут в моей груди.

Позади все то, что я не реализовала.

Что забыла, кого забыла и почему.

Я сжимаю ладони выдуманного штурвала
и бегу

вперед,

похожая

на чуму.

В сердце и голове барахлят не на шутку датчики,
кровь играет со мной в испорченный телефон.

Я бегу так, как будто за мною бегут захватчики
и хотят превратить в стометровку мой марафон.

Я бегу,

так, как пьют:

взахлёб,

постигая истину.

То по кругу, то по квадрату, то по прямой.

На последнем глотке дыхания прошу: дождись меня,
самый дальний и близкий, противоречивый мой.

Я боюсь, что приду нежданная и последняя,
я сама для себя навсегда загадочный враг.
Мне навстречу несётся моё двадцатидвухлетие.
Как бы только оно не сбило меня в овраг.

Не закрыть никакими изгородями и ширмами
в голове моей коридор, проходной, сквозной.

Я бегу от себя.

И последняя финиширую.

И валюсь на горячий асфальт, забываясь сном.

А во сне, представляешь, нет ли, но — то же самое.
Не иду, не лечу, не плыву, не стою.
Бегу.

На меня сокрушительно падают небеса мои,
золотое сечение вмятины на снегу.

Я во всех кошмарах падаю оземь
замертво,
сохранив твоё имя в сердце сожжённых губ.

ПОЧЕМУ?

Почему голубое небо? Земля кругла?
Солнце желтое,
а папа от нас ушёл?
Помню только, что мама мне не врала.
А ответы совсем не помню, и хорошо.

Говорят: разменяла третий десяток лет,
не девчонка, а тёлка взрослая, жару дашь ...
Будьте честными: я — телячий сухой скелет,
а в зубах всё такой же обкусанный карандаш.
И вопросы всё те же,
только слегка длинней:
почему голубое небо не надо мной?
А Земля — раз кругла, почему не со мной, а с ней
мой отец жил до смерти?
И считать ли её сестрой?
И ещё один человек не со мной, а с ней,
трио разума,
сердца и будущего вопреки?
Почему без него жизнь кажется не сложней,
но какой-то чужой
и не подаёт руки?

Мама знает ответы на много вопросов, но
есть вопросы, что маме лучше не задавать,
даже если при целующихся в кино
можно не закрывать глаза и не марш в кровать.

ЭТО БЫЛ АПРЕЛЬ

Это был апрель
пиджаков, антикварных кафедр,
коридоров длиной в полжизни, петровских комнат.
Словно песня,
к которой сложно придумать кавер.
Сокращающий количество незнакомых.

Не встречались, не расставались,
смеялись вчёрную,
хоронили друг друга на кладбище для живых.
По тридцать три рубля продают копчёную
смерть морскую,
тридцать четвёртый — для чаевых.

Больше нет нас.
Мы жили вьюгой, сиянием северным,
завтраками, не поданными с утра.
В продолжение выдаётся ошибка сервера.
Нам подключат другие странные сервера.

Каждый шрамирован, словно татуированный.
Каждый по горло в делах своих, как в крови.
Заколочено прошлое.
Настоящее нам даровано,
даже если сюжет ни разу не о любви.

Это был апрель
театров дождей и сломанных
марионеток,
безукоризненна чья игра.

Лбы вокруг
светом солнечным исцелованы.

Поумирали,
теперь и пожить пора.

БОЖЬЯ МАРШРУТКА

Будь ты бомж, президент, бездетен, рогат, убог,
или выходец из не столь отдаленных мест —
ты едешь в маршрутке, в которой водитель — Бог.
Передашь ему при выходе за проезд.

Отвлекать от дороги шофёра запрещено.
Тише едешь и дальше будешь. Вокруг снег.
Вдруг под колесами там — человек, щенок,
а пока везёт, тебя не собьёт, о нет.

А в маршрутке междоусобица и бедлам.
Потому что знакомой таблички про уступать
женщинам с чадами, инвалидам и старикам —
нет и не будет. Уступай только той, кто мать.

И тому, кто отец. А кто младше, и старше — хрен.
Если честнее выглядеть, хрена с два.

Они не возьмут тебя даже на край колен,
если твоя закружится голова.

Деланно пожалеют. Не в свое дело лезть
другие не будут, и в стекла уткнутся лбы.
Лампа в маршрутке Солнце само и есть,
и место под ним
стоит чьей—то чужой судьбы.

СТОЛКНУТЬ СТОЛКНУВШЕГО

Мягкой обочины всем сошедшим с дистанции,
сбитым с велосипеда.
Сдержали слово отборным матом: не будет лета.
Провожать — со стихами, песнями или танцами
отсюда и до обеда.

Они ведь это завалируют под аварию.
Несчастный случай. Замнут причину, а инфоповод
вместо тебя с людьми будет разговаривать.
Тебе в лицо засветить фингалом или фонариком?
Какой обнять, если ты оголенный провод?

Другой спортсмен финиширует с твоим номером.
В глазах бесстыжих — солнечный блеск медали.
Кому ты выплачешься, что всё в тебе напрочь померло?
Что ты докажешь своим крестовым походом по миру?
Тебе не дали,
а эту гадину оправдали?

И можно сколько угодно врать про реванш впоследствии.
Фортуна — женщина.
Она уходит, назад не глядя,
как ты изломанным на обочине терпишь бедствие,
и поминаешь мать ли, Христа ли, детство ли,
не понимая, как люди выходят в бляди.

Ты будешь помнить и номер этот, в ладони дрожь нести:
шрам Зазеркалья боли нечеловечьей.
Что будешь делать ты с появившейся вдруг возможностью
столкнуть столкнувшего?
Чтобы он искалечен
стал по своей великой неосторожности,
совсем как ты от памятной этой встречи.

Пусть превратится в заброшку бескрайний госпиталь,
навек задернув кулисы своих гардин.
От столкновения на шоссе сохрани нас, Господи.

Спокойной ночи тому, кто встретит её один.

РАДИ БОГА ЛИ, РАДИ БЕГА ЛИ

Расскажу тебе старую сказку на новый лад.
Обручальное — на кастет. Километр — на милю.
Время — тем, кто сменил не время, но циферблат.
Безвременье — тем, кого из нас разлюбили.

Не найдешь никого, кто заранее бы не знал
о душевнобольном треклятом твоём провале.
Нужно было всего две лепты, но здесь безнал.
Недопитую чашу истерикой проливали.

У всего есть хронометраж, хоть часы ломай,
невидимка–хронометрист избежит убийства.
Так бывает: когда заканчивается май,
наступает июнь, и почерк его нечистый.

Это мир недоволен вами, но не тобой
и не им или ей по отдельности. Так бывает.
Не желаешь принять как данность, прими как бой,
убивая всё то, что тебя убивает.

Покуда ты жив, беги. Покуда бежишь — ты жив.
Остановишься сердцем в центре своей мишени.

Ради бога ли, ради бега ли — сам реши,
но, умоляю,
не смей прекращать движение.

ЧЕЛОВЕК ГОВОРИТ

Человек говорит, показывает, бежит.
И не сбить с пути,
не сбить этот вечный жар.
Он, наверное, хочет нажиться на нас, он — жид,
а не деньги, так явно чёрный дурной пиар.

Говорят, человек жаждет славы и громких слов,
засветиться на Первом, Нашем, Таком–Сяком,
говорят, что ему полкрыши давно снесло
и народ, словно рыбы,
снуёт за ним косяком,
говорят,
что он должен носом зарыться в лён,
лечь в болото,
в самую злую гать...
Человек бескорыстно в Девушку–Жизнь влюблён
и не видит ни капли смысла об этом лгать.

Он умеет немного, но этого хватит на
пару сотен костров
и тысячи возле них.
Человек подаёт идею,
ладонь,
сигнал,
и нуждается только в кофейных.
Не в чаевых.
Человек твёрдо знает: любой равнодушный — враг.
Очень сложно быть самому равнодушным к ним.
Человек — не подарок,
придурок,
совсем дурак,
право, что за профессия: сутками жечь огни?

Что останется?

Сорваны голос и провода.
Тремор в пальцах. Следы от праздника на столах.

А ещё непонятная лёгкость
и правота
и хирургически точный рассвет в сто ламп.

СПИННЕР

А вместо лета, большой любви и совместных планов
нам тычут спиннер: крути сансару, неважно, чью.
Наркоторговец на королеве самообмана
почти женат. Совет, любовь и игра в ничью.

Нам было нужно совсем немного: ладонь в ладони,
чужие страны, и видеть в разном всегда одно.
Но если даже убийца — кит, а насильник — пони,
то в этом трюме должно быть второе дно.

Наш возраст скалится грязной завистью к пубертату,
Не панацея нам ни коньяк, ни амфетамин.
Мы научились забыть на чудо и помнить даты,
что из двоих запоминает всегда один.

Второму легче, пока его не размажет карма,
но карма там, где Ганг чище наших слёз.

Иммунитет к аттеншенвхорингу и селфхарму
от смерти раньше, чем в двадцать семь, нас уже увёз.

Сияют звезды на потолке для сидящих дома.
Для тех, кто вышел, иным свеченьем зальют пути.
У нас ни дзена, ни смерти в Сирии, ни саркомы,
ни гербалайфа.
У нас есть спиннер.

Как ни крути.

МОНОЛОГ ФРИЛАНСЕРА

Я умею учиться всему удивительно быстро. Я идеи ловлю на лету за вороны хвосты. Я сумел бы вместить целых шесть океанов в канистру, исходя из придуманных мною методик простых. В прошлой жизни я был, безусловно, великим учёным или злым королём, властелином далёких планет. Я бы пил чью-то кровь, скипетришком махал золочёным, и о том, что поесть, я б совсем не печалился, нет!

Если жизнь мою спеть, это будет смешной эквалайзер: никаких Эверестов, лишь Бродский — холмы да холмы. В этой жизни, увы, я родился филолог–фрилансер: копирайт, перевод и контент, что волнует умы. Я в теории мог бы, наверное, да что угодно: обчитавшись фантастики, можно поверить в мечту. Я над миром летал бы драконом легко и свободно, но сейчас я себе приговор по бумажке прочту: ведь на практике я торможу и смеюсь не по делу. В голове умещается сотня решенных задач, а на практике я — чайный гриб, полумёртвое тело, корвалол во плоти, хоть ты смейся, а хоть ты тут плачь.

Я хотел покорить этот мир, но сижу и покорно набираю в окошке "откликнись, мой верный фриланс" и работаю даже порой переводчиком порно, а миры покорять... тут я пас. Take it easy. Relax.

Мне какой-то чудак беззаботно кидает по сетке перевод мануала по знатной отмывке бабла.

Если б не был я экземпляром Кунсткамеры редким,
я б воспользовался этим шансом, была не была.

Что же, переведу... получу два рубля на Макдональдс, Петроэлектросбыт и две пары носков "вырвиглаз"... Помяну твою мать, скандинавского тролля и хронос...

... и, пока буду пить, конкурент отобьёт мой заказ. :(

БЕССОННИЦА ПИСАТЕЛЯ

Так "всему свое время" не вяжется с "жизнь одна",
что за нить ни бери, как спицы ни заостряй.
Эти глаза, раскалённые докрасна
в странных ночах для созданий миров без сна,
на двенадцатом кофе сливается звукоряд.
Хочется верить в то, что оно не зря,
что к создавшему свет
ночь будет всегда нежна.

С сигаретой в зубах непросто прожить сто лет,
легче сто раз пожалеть, что сюда полез,
и мечтать втихаря о восьмом из семи чудес:
чтобы кто-то пришёл, сказал —
"И да будет Текст",
и писатель уснул впервые спокойно, без
феназепамы,
в кровати.
Не на столе,
где возрастает реинкарнировавшийся лес.

НЕ ПУТАЙТЕ МЕНЯ С ЛИРИЧЕСКИМ ГЕРОЕМ

Не путайте меня с лирическим героем!
Не смешивайте нас, как пиво и абсент —
испивший сей коктейль нешуточно расстроен.
Увы, я скучен, я —
такой же, как и все.

И если бы я был героем хоть немного,
лирическим,
физическим,
мате-ма-ти-чес-ким,
иной судьбы тогда я б не просил у Бога,
и не писал стихи в Контакт и молескин.

Я взглядом бы сжигал мосты и нечестивцев,
исколесил планету и шесть её сестёр,

от счастья было б мне никак не попуститься,
а тех, кто мне мешал, я в порошок бы стёр.

Меня читали бы —
и мной бы стать хотели,
пройти моим путём весь жизненный краш–тест,
Увы, я не герой. Я шкет в тщедушном теле,
метр с кепкой и вообще —
вот я,
а вот мой текст.

И текст — не обо мне.
О выдуманных людях,
возлюбленной моей, соседе за стеной...
и, может, о тебе,
который резко судит.

Скажи, тебе ещё
так хочется быть мной?

Ты верил так в меня, а я тебя расстроил
и сладкие мечты развеялись, как дым.
Не путай же меня с лирическим героем.
Не то в одном из текстов ты сам же станешь им.

DEPARTURE BLUES

Что ж, прощай, Петербург. Не завтра, так послезавтра я тебя оставлю с открытым ртом.
Провожающие узнаваемы по слезам.
Пассажир — по улыбке покинувшего дурдом.

Ты же, правда, дурдом. Я дура номер один.
Или, если смотреть в диагнозы, номер ноль.
Если хочешь, попробуй, выпотроши, найди
в бутылке корвалола спрятанный алкоголь,

кокаин в отбеливающем порошке
для зубов, а в горшке цветочном — хоть коноплю.
Не забудь про скелет в шкафу и ката в мешке.
Ты не знаешь, что врать я меньше всего люблю.

Я вернусь — на чужой земле, в золотом песке,
в синеглазой любви забыв о себе всё то,
что держало меня от жизни на волоске
так, как твоё смирительное пальто

от дождя, от беды, от сглаза, от подлеца —
да вот вымокло до подкладки и не спасло.

И, пока ты не смеешь поднять на меня лица,
я взлетаю, не ощущая нехватки слов.

ПУСТЬ ГОВОРИТ БЕЗДАРНЫЙ

Пусть говорит бездарный. Пусть говорит.
Пусть электровоз, как на ёлке, во лбу горит.
Из него ни оратор, ни автор, а так — вода
с наговором, чтобы людей превращать в стада.
У бездарного много славы и мало слов.
Его роза цветет на Планете Пустых Голов,
в ней нет искусства. Искусственности зато
хватит на тысячу, на десять тысяч, сто.
Впору нажать на "стоп".

Фимиам для бездарных крутит толпа в столпы.
Я слышу голос. Слабенький, из толпы.
У обладателя голоса малый рост,
он не хватает с неба и с ёлок звезд,
каждое слово — стрела и гортань — колчан.
Он заставит любых бездарностей замолчать.
Если его услышат, прочтут, учтут,
осознают, что выбирали не ту мечту,

что зря жгли фимиам и направляли взгляд,
и тогда всех бездарных от публики отдалят.
И тогда Революция будет греметь везде,
каждой ёлке — по совершенно другой звезде,
и бездарности будут конями пахать в узде,
не мешая тому, чей голос пока слабей,
становиться патрицием, будь ты сто раз плебей.

Я хотел бы помочь голосу зазвучать.
Но не знаю, с чего начать.

А бездарный толкает в спину прямую речь,
голова у речи скатывается с плеч
и летит в толпу, на потеху зевак и псов.
Я проталкиваюсь сквозь спины, иду на зов,
но, когда добираюсь дотуда, где голос был —
вижу потных быков, толстозадых смурных кобыл,
а обладателя голоса нет как нет.
Над ведомой толпой теплится слабый свет.

И однажды я был растоптан в ничто толпой.
Хохот, гогот, и я с разбитой лежал губой,
по моим кишкам прогуливались гурьбой
те, кто Бездарности в рупор кричали "Пой!"

Слышишь, маленький чистый голос?
Я за тобой.
Пусть один из всех, нетоптанною тропой,
я дойду до тебя сквозь облака и снег.
Я, беспомощный мёртвый маленький человек.

Чтобы слушать и слушать всю эту смерть свою,
начиная со слов:

"Привет. Я тебе спою".

ОСТАНЬСЯ ДОМА

Останься дома. Не нужно вылазок в эту бездну.
И путешествий от медовухи до царской водки.
Не совмещая неприятное с бесполезным,
останься дома. Смешные тапочки — не колодки.
Зачем тебе макияж рок-дивы и эти кольца?
За свет лампад, а не стробоскопов, запоминали.
И целоваться с первым попавшимся незнакомцем,
и каждый раз представляться разными именами...

Чужие койки хранят в себе аромат плацкарта.
Ты вся во взглядах, как будто ими в тебя стреляли.
Ты в вечно выглаженной рубашке. За нею — карты —
все перевернуты, и мечи к тебе остриями.
Тебе так плохо, что ложь про "все у меня чудесно" —
смесь мятной жвачки и перегара пяти коктейлей.
Тебе на море сейчас хотелось бы очутиться,
чтобы ни разу не просыпаться в своём отеле.

Тебе так хочется виски с колой сейчас, но это
не входит в список твоих желаний. И не входило.
Кем ты мечтала — парашютистом? Или поэтом?
Так почему же ты всё влюбляешься в крокодилов?
Не ровен час, они станут сумками в цепких пальцах.
Тебе идут рюкзаки цветастые из кожзама.
И бохо-клатчи, в которых вор устаёт копать.
Зачем тебе из сигаретного дыма замок?

Отдай свой гаджет во власть авиарежима.
Себя взяв в руки, выплесни всё в искусство.
Хотя бы эту ночь, но сделай непогрешимой.
А незнакомец пускай останется не искусан.
А дирижёр твоего отчаяния будет дальше
жить без тебя и смолить дешёвые самокрутки.
Останься дома: ты не найдёшь в его стенах фальши.

Останься дома, я умоляю, на эти сутки.

МАГИСТРАТУРА СПБГУ

Лето, июль, в Неве восемнадцать градусов, выпьешь с ладони — сразу же разморит. Мы поступаем в магистратуру, радуясь. Цедра, жасмин, пачули и розмарин. На год закрыли нам Василеостровскую, прядкою сдув её с городского лба. Небо её прикрыло своей ветровкой там, где вчера безумствовала толпа. Впрочем, не страшно: обновлена Спортивная, в воду ещё не рухнул Дворцовый мост, эта преподавательница — противная, этот преподаватель — не так уж прост. Что там у нас — лингвистика, филология? — лишь бы сюда, в большой университет, ветки бюджетных мест чересчур высокие, но если сидеть, так только на них сидеть.

Плавают мысли от череды экзаменов, хочется чаем с ромашкой и чередой взять и запить синекдохи и гексаметры, как иерусалимской святой водой. "Я ничего не знаю!" — цитате вторю я, чувствуй себя как дома, мой друг Сократ. Слушай, не помнишь номер аудитории? Что сдали завтра и что нам сдавать вчера? Что там, какие баллы, какие рейтинги? Всё дописал? Нигде не ошибся ли? Близкие ждут меня и тебя на Сретенке, или в Камбодже, или вообще в Мали. Если у всех троллейбусов рельсы по небу, значит, мы все немножечко божества. Близкие — те, которые это поняли, выбрали и заучили нас, как слова.

Счастье, мы скоро, радость, мы выдвигаемся, детство моё, подъеду и наберу, молодость, мы тут скуриваем план Даллеса, видишь, густое марево на ветру. Слышишь, мы спишем, если не спишем — спишемся, буду во дворике, только меня найди, помни, что счастье пишется так, как слышится, верь мне, мы обязательно всё сдадим. А не сдадим — уверена, не разверзнутся ни небеса, ни мостовая твердь, я, как и прежде, буду твоя ровесница, ты, как и прежде, будешь счастливым ведь.

Возьми мне еды, а то я умру от голода — сто двадцать из ста двадцати минут. Август идёт под цвет голубого золота, жёлтых сапфиров, алых, как изумруд.

Мы остаёмся.

Мы остаёмся молоды. Эти часы — без цифр — никогда не врут.

И НЕ ТАКИЕ ПЕРЕГОРАЛИ

Белый день сливается с белой ночью.

Бесконечна финишная прямая.

Я бегу, не чувствуя ног и почвы.

Ничего на свете не понимая.

Все хотели, как лучше, но вышло опять, как раньше.

Я обогнана самым медленным караваном.

Я должна быть сильней и лучше себя вчерашней.

Безлимитной кредиткой долг мой непокрываем.

Повернуть назад, по факту, не так уж страшно.

Лечь на землю, что мягче любой кровати — совершенно не стыдно. Но я продолжаю бегство.

От тюрьмы, от сумы? От кого-то или чего-то?

От себя?
От времени, места, действия?
От любви, живущей всего три года?
Я уже не хочу ни вернуться в детство,
ни на фото с родителями до развода.

И на сколько пробег увеличен за год?
Полумертвая или полуживая?
Я бегу по кругу, который замкнут,
никого на свете не узнавая.

Чтобы круг завершить, надо самой стать кругом.
На воде,
на бумаге,
в чьей-нибудь голове.

Я мечтаю просто найти свой угол,
даже если он будет в сырой траве.

Посмотри, я стою на месте и я спокойна,
как только могут спокойны быть авторалли,
переполненные убегающие вагоны,
стадионы, что всё на свете переорали.
Остановка Perpetuum Mobile незаконна.
Я устала круги наворачивать по спирали.

Ты говоришь: "Брось-ка свои загоны,
детка,
и не такие перегорали".

ДАЙ МНЕ УЕХАТЬ

я прошу Тебя: дай мне уехать.
если можно, на две–три недели.
по эфиру гуляют помехи.
мне хронически все надоели.

не хочу я ни быть, ни казаться.
тошно мне среди душекрасилен.
мне наврядли помогут в Казанском,
если даже Исаакий бессилён.

пусть из грязи в князья прутся танки
по исколотым жилочкам улиц.
мне наврядли поможет Фонтанка,
если даже Нева отвернулась.

стал чужим диалог голубиный.
я иду за молчаньем в аптеку.
мне наврядли поможет Любимый,
раз Никто — человек человеку.

обратили Мечту анекдотом,
изменив ей пароли и явки.
мне наврядли поможет хоть кто–то,
если море запряталось в якорь.

зимний холод и летняя зелень.
из окна пьянибратские виды.

дай мне комнату площадью с Землю.
я могу обещать, что не выйду.

ну же! перечеркни мои планы,
Ты же здесь самый главный новатор.
только "Землю" впиши мне с заглавной:
мне до строчной еще рановато.

ТЕОРИЯ НЕВЕРОЯТНОСТИ

Деструктивизм хотел сломать основы, а деконструктивизм — перевернуть. Ты по проспекту прёшь опять и снова, и катарсис разламывает грудь, и хочется повеситься на люстре над непроизносимым бытиём, и служит личным сортом Заратустры одна из песен в плеере твоём. Не суть, какие в ней слова и ноты, и суть — не суть, и ты уже не ты. Ты — несколько исписанных блокнотов, бездарность осквернённой красоты, ты — пункт муниципального кадастра, в посюстороннем — лишь одной ногой; в одной руке какой-нибудь Кортасар и сигарета теплится в другой. Ты — не могу, ты — не хочу, не буду, неразличим в дегтярной бочке мёд.

Но кто-нибудь придёт из ниоткуда и вдруг саму тебя тебе вернёт.

Хранители всегда шагают сзади, вживаясь в роль обычных горожан. С тобою столько мглы случилось за день — теперь она не стоит ни гроша. И как-то интересно знать, что дальше, какой там у сюжета поворот — насколько этот дом многоэтажен, и текст читается наоборот. И трезво помнишь, что весна не скоро, и как тебя зовут, и сколько лет — и от тебя избавившийся город подсовывает сам в себя билет.

Останься здесь, дефектом карамельным, воденниковским чудом о любви, переливающимся, самодельным, и по трубе лети, беги, пльви.

На практике любая из теорий —
ли-те-ра-ту-ры,
ве-ро-ят-нос-ти,
погибнут.

Но в зелёном коридоре
ты будешь знать, куда себя нести.

АСПИРАНТУРА СПБГУ

Август, Нева — пятидесятипроцентная смесь из дождей и града, что падал на жизнь, что сбежала с собственного концерта и говорит живущим: "идите на". Это стихотворение — вроде сиквела к тексту, что был в пятнадцатом создан мной. Символом электронную плоть насилюя, я вырастаю перед собой стеной. День здесь порой проходит за три столетия, год иногда вмещается в пять секунд. А в голове — Тринадцатая Коллегия или полёт шпаргалок по рюкзаку. Мы поступаем в аспирантуру, шутка ли: акселератом становится средний балл. Здесь не блистают в знаниях промежутками, горизонтальный лифт с корабля на бал. Кто-то разводит панику прежде времени, предпочитаю кофе, и почерней, чтобы убить своё умиротворение и возвести обратно из пены дней.

Что я вчера сдавала? Какая разница? То ли рекламу, то ли вообще литвед. Иссиня-черным морем френдлента дразнится, я, зубы сжав, цежу: "я — сверхчеловек, эпикурейства вашего мне не надобно; в левой руке — Бахтин, в правой — сборник ВАК, мой пиар-менеджер — тот, кого вам не задано, смертные называют его "фил-фак". В пятницу ты узнаешь о поступлении, а у меня в субботу мой big boss fight, ждем результатов, как зимой — отопления или пароля на затяжной вай-фай: целых три года умственной или каторжной, шей же, комиссия, нам этот дивный срок. Спят

коренные жители, спят замкадыши, а у меня невыученный урок, вы почему сюда поступать—то выбрали, может, не в ту заехали колею? Если мы и заехали, значит, выруем, а из воды, что я тут в ответы лью, можно создать вино многолетней выдержки, вот самогонный ссылочный аппарат. Мой никотиновый мозг улетает в вытяжку; кажется, он быть частью меня не рад.

Ну вот скажи, сдалась тебе кандидатская? Можно гнать замуж, можно рожать детей, можно соваться с мнениями дурацкими. Можно, я откажусь от таких идей? Мысль моя, как бесконечный день, чиста, если к мечте в ней путь проложить сквозной. Это моя возможность продлить студенчество, жаль, что не мой студенческий проездной. В серый гранит науки Нева опрвлена, это канон композиции кольцевой. Верю, что мы поступим. Поступим правильно. И отличим изнанку от лицевой. Ты с головой уйдешь в свою математику, я в филологию деревом прорасту. Да сохранит тебя институтской магией от равнодушных лиц и простых простуд. Схожесть идет синхронными аватарками, краснодипломнику краснодипломник — рознь, только не здесь, где шифры наклеят марками на лист с вопросом, что уже не вопрос.

Каждый из нас пройдет на бюджет заместником, князем аудиторий, царем горы. Я поклянусь СПбГУшным Вестником, что разольётся музыка во дворы.

ПОЭТИЧЕСКИЙ КОНКУРС

Мальчишки и девчонки! А также их родители!
О результатах конкурса проведать не хотите ли?
— несёт по мыльным ящикам
настырно и навязчиво
дурацкая—дурацкая сорока на хвосте.
Ах, вы еще не видели?

Не видели? Не видели?
Какие там жюрители,
какие победители,
и как их ненавидели,
смотрите в лонг-листе.

Четыре тыщи подано,
из Питера и Гродно,
под Уистона Хью Одена,
про Боженьку и Родину,
да тысячу грехов.
Все куплено и продано,
в карманы верноподанным,
положено на противни,
ввелась такая мода на
стихи, где нет стихов.

Отсутствие поэзии
представьте где: в поэзии,
конечно же, в поэзии!
А кто у нас призёр?
— на первом месте — жуткое,
— второе — а не шутка ли?
— а третье — а скажу-ка я —
позор,
позор,
позор!

Молчали в тряпку критики,
в бронезилетку — нытики,
согнувшись под политики
ахилловой пятой.

Таков закон энклитики,
Сократики,
Евклидики:
глотай анксиолитики,
запив их правотой.

Призеры и проспавшие! На свете всё проспавшие!
Встряхнитесь ото сна уже и вычистите хлеб
от собственного мнения,
сияния, затмения:

Такое впечатление,
что этот конкурс — блеф!

А где ж у нас поэзия? Куда она повесила
свой плащ,
свой нос,
и знамя,
чья ткань дождём тяжка?
На то она поэзия, чтоб было ей невесело,
чтоб ей в лицо бил град
из гадкого смешка
и псевдоликования,
на Бога упования,

из тухлого яичка и трети пирожка,
она — одно название,
протестное "не с вами я",
да что угодно, в сущности, но не соревнования
в чужой некомпетентности
и высоте прыжка.

НЕ ТВОЁ

Хороша любая одежда, пока ты совсем нага,
хорошо везде, куда не ступала твоя нога,
дефлорируй и бей предметами пустоту,
не стони потом, перешагивая черту.

Есть такая хрупкость, что сложно держать без рук.
Например, напротив твой загадочный друг,
кто из вас гора, а кто из вас Магомет?
Прикоснись к ладони его и убей момент.

Поцелуй его и убей все до одного
золотые слова, исходящие от него
Ожиревшие да расплзшиеся цвета
за которыми не картинка, а пустота.

Как японцы в своих акварелях были легки
Наводнение передано в считанные плевки
Не твори из баюльного шёпота ультразвук
Не ходи туда, куда тебя не зовут

Ибо самый близкий станет самым чужим,
а тепло на дистанции всегда останется им.
Из разрозненных кадров не выстроится кина.
Фильм снимается панорамами из окна

ресторана машины зала на сто гостей
Станешь главным героем — не соберешь костей
Хороши все, кто чувства с мечтами свои таят,
и любая роль, которая не твоя

КАК ХОРОШО, ЧТО ТЫ НЕ ЗДЕСЬ

Как хорошо, что ты не здесь живёшь. Что мы с тобой встречаемся не часто. Что мы — неприкасаемая каста, и всё, что между нами — это дождь. Шёл дождь и два студента-первака, один в пальто, другая в неизвестность, плюя в пролёты всех карьерных лестниц и каждый день считая днем сурка.

Я шла тогда, забыв себя саму, депрессии придумывая имя. Мои следы, покрытые твоими, шли напрямик по старому дерьму из предложений сердца и руки, из метамфетаминового снега, из тухло-мандаринового неба, в котором гасли местные царьки. Свинцовый город избивал мой плащ, побрезговав лицом гипсокартонным. Любое заведение притоном казалось мне, и музыкой был плач. Развязанный шнурок замедлил бег. Ты резко развернул меня за плечи и моментально обесчеловечил, поскольку ты и сам не человек. Ты что-то очень важное сказал: такое говорят уже *post mortem*, а не таким вот быдловатым мордам, которых без меня здесь полный зал.

Что может дать тебе моя строка, помноженная на моё безумство? Признаться легче письменно, чем устно, в том, что совершенно наверняка. Бессмысленно подписывать "for you" мои слова, к чему весь этот пафос? Как хорошо, что ты не видишь хаос, где я звездой тускнею на краю.

СИНЕЕ ПОКРЫВАЛО

Когда всех учили сексу и алкоголю,
а после — бессвязно молиться святым мощам,
я в это время явно была не в школе.
Меня во дворе учили другим вещам.

Меня учили чему—то очень плохому.
Такому плохому, что надо бы вправить мозги.
Надо, наверно, позвать экстрасенса Пахома,
чтобы как следует дал мне вертушкой с ноги.
Меня учили в подъездах снимать на мобилу
стены в трещинах, старых надписях и любви.
Меня учили, и я это всё любила.
Мне бросали мир
и кричали — скорей, лови.
Меня учили лечить переломы веток,
крик развивать до смеха, как инвалида
до трудоспособного человека.
Кухонной лирике, нецензурным молитвам.

За искренность нынче бойкот вполне обеспечен.
К ней ещё не придумали антисептик.
Орлы привередливы, подавай им трезвую печеньь.
А двухголовые выклевали мне сердце,

но клюй — не клюй — а оно отрастает снова.
Как ни в чём не бывало.
Как ни в ком не бывало.

Меня учили флагом держать слово.
Даже если оно меня убивало.
Как в солнце ни плюй — кирпичом упадёт с шестого.
Как из моря ни пей — ни разу не убывало.

Я любила, люблю и буду, и я готова
вечно носить это синее покрывало.

ПЕТЕРБУРГ – ТВОЙ ДИАГНОЗ

петербург — твой диагноз,
врачи говорят, что жить можно
закрываешь глаза — петербург, открываешь — опять он
просто твой организм генетически предрасположен
ну, родимый твой край — это типа родимые пятна
не уедешь отсюда совсем ни в какую одессу
или в ехегнадзор
лицемеры везде лицемеры
ты действительно веришь
что так
возвращаются в детство?
там не топчут
в ботинках
тридцать восьмого размера
там не ходют
в таком декольте
и косметик не носят
а еще не ругаются академическим матом

не суют порошков
в аккуратный веснушчатый носик
не плодят типографскую краску
сама виновата

петербург из тебя никуда никогда не уедет
как и северный город
когда–то тебя породивший
хоть ты исколеси всю планету на велосипеде
ты так громко мечтаешь,
так громко,
нельзя ли потише?

дед мороз бы исполнил желание, только он папа
впрочем главное —
это озвучить каприз накануне
и билет на гоа протянула бы ёлочья лапа
дед мороз бы исполнил желание,
только он умер
больше нету ни деда мороза ни бабы яги нет
сказки кончились
с первым похмельем
чумазоголовым
если дарят цветы,
это чтоб ты смотрела, как гибнет
все на свете вообще
что не является словом
если брешут "люблю",

это чтобы ты верила больше
все один семантический ряд с пирамидой мавроди
или русским лото
где любого, кто — ты, облапошат
а любой кто не ты, как ни странно, выигрывал вроде

петербург — это страшный диагноз любого поэта
он написан на лбу
как себе ни отрицывай чёлку
я открою секрет, как зима превращается в лето:
пачка соли для ванн
будет ждать тебя скоро под ёлкой

СМОТРИ

Смотри, как сыграны снега, как нарисован ливень летний,
как хромоногие века идут, и спорят, кто последний,
и собирают на еду,
как плачет дочь, смеётся мать, глухонемой кричит и слышит,
покуда сход лавин с ума
к тебе не сделается ближе,
смотри сама,
смотри сама.

Смотри за этим и за тем, и за собой, как за младенцем,
что в абсолютной темноте своё разыскивает детство,
и никуда ему не деться,
поскольку все вокруг — не те.

Смотри кино и пей вино, пока производитель пашет,
не забывай глядеть в окно, люби и наше, и не наше,
неупиваемая чаша,
живи, пока тебе дано.

Смотри в глаза. Всегда в глаза. Слепыми — особенно протяжно.
Как бьют людей и гладят пса одни и те же руки ваши,
как будет после, было раньше,
смотри,
мир не меняет—ся.

Смотри, как будто ты — объект
своих же глаз, и холст, и кисти,
смотри, как будто ты — поэт,
касающийся главных истин,
как женщины: сквозь мягкий свет.

Смотри, как жизненный ресурс сверхлюди, нелюди и люди
используют. Мотай на ус.
Смотри, как любят и не любят,
нанизывай на нитку бус
куриного смешного бога, клык волка, ягоду, слезу,
смотри,
как в небо бьётся током
то, от чего я не спасу
ни олигарха, ни свечницу, ни мощь гробниц и пирамид,
ни пациента психбольницы,
смотри, что громче всех приснится
и после сна не отшумит.

Смотри в Неву и синеву, пока они доступны взору.
Пока тебя не позову,
пока не явишься по зову
через промзоны и озоны
в мир, недоступный наяву.

ВЗРОСЛЫЕ – ЭТО МЫ

Что казалось вчера безупречным и каменным, обесценится завтра до трети гроша. Где калина росла, там сегодня окалина, допечатай мне памяти полтиража. За любое, что сказано, сделано — стыдно мне, на поребрик с бордюра, с парадной в подъезд.

Мне под стол бы ходить, да — невеста на выданье, только Боже не выдаст, а свинка поест. А тебе бы по полу елозить машинками, да в песочнице девочку дёргать за бант. Но ты снова ривгошным парфюмом напшиканый и не чувствуешь запаха низких зарплат. Подари мне не шубу, чувак, а уверенность, что все будет окей, что все будет ништяк, а то что-то в хандре затерялась, захерилась, так что лёд под ногами майора — наждак.

Знаешь, мне это все надоело до чертиков, что живут в моих шейных больших позвонках, мне сердечные сборы закусывать тортиком и не верить своим исходящим звонкам. Я звоню навсегда невзаимным возлюбленным, и, не тронув копилку запятанных слов, говорю, что все голодно, голо и куплено, что Сизиф и улитка погнали на склон, соревнуются за идиотское звание неудачника года, царя, блин, горы, говорю, как под чьё-то чужое звание эти двое вновь рухнули в тартарары, это неинтересная, в общем, история, ну а что я еще бы поведать могла? Что скучаю... — конечно, по русскому торренту. Что люблю... — много спать, вот такие дела.

Можно пить, что горит, можно спать, с кем постелено, можно, выйдя за хлебом, свалить в Казахстан, и в гляделки сыграть со стеной или с телеком, отписавшихся фолловеров подсчитав. А за кем-либо бегать, круги наворачивать — стало скучно, как в дёсны втирать порошок. Лучший бег — от себя, то галопом, то вкрадчиво, а еще друг от друга бежать хорошо. По-тинейджерски руки искрамсывать лезвием, не во имя анархии и punk not dead — для того, чтоб хоть что-нибудь было болезненным, ибо в анестезию здесь каждый одет: из какой-либо дряни пятнадцатиградусной, похоронного марша пришедшей зимы. Если вдруг кто убьёт — я, наверно, обрадуюсь, пожелав избежать человеку тюрьмы. Если вдруг кто полюбит, да по-настоящему — я ему пожелаю прожить без меня, что забытым предметом валяется в ящике, извлечённом на свет после Судного дня.

В пять утра полимеры, как водится, просраны.
Не прихода Мессии — прихода чумы
ждут меня и тебя окружившие взрослые.

Очень страшно, что все эти взрослые — мы.

ОБРУШИВАЮЩИЕСЯ НОВОСТРОЙКИ

Мы трио, тройка, троица. Нас трое,
и мы обескураженно среди
об-ру-ши-ва-ю-щих-ся новостроек
стоим, не замечая, что один

из нас, быть может, вскоре упадет на
оскольчатую землю и умрет.
Из железобетонных и высотных
один лишь дом все знает наперед,

собой запнувшись в двадцать пятом кадре
и дав уйти сегодня всем троим
туда, где то ли лодка, то ли катер
морскую воду ножнично кроит.

Я рядом, рядом, вот моя рука же,
нет правды ни в мозолях, ни в кольце —
но третий человек лицо покажет —
и вот твое лицо в его лице.

Как мало остается и как много
печальных и точь-в-точь таких, как мы!
Нас трое в лодке, не считая Бога,
уснувшего на кончике кормы.

ПУТЕШЕСТВЕННИК В ДОМОСЕДЕ

Путешественник в домоседе спит крепким сном
под десятками капельниц чая, бетонным пледом.
Снится, как безо всякой страховки и без билета
он сигает в своё диалоговое окно

и летит драгоценным камнем с таких высот,
не попавшись ни рудокопам, ни ювелирам,
а они там его разыскивают всем миром,
продираются сквозь развалины и осот,

наворачивают один за одним круги:
ах, куда ты из дома в полдень — да в дым и полночь,

мы не скорая, а сверхскоростная помощь,
если есть теплый чай, зачем же пить из реки?

И зачем тебе горы, если есть города?
Воздух времени и пространств — та ещё отравка.
Мы тебя заключим в прекраснейшую оправу
из стекла и бетона и праведного труда.

Путешественник в домоседе открыл глаза
и ослеп от стерильного света стоваттной лампы.
Домосед же идёт по жизненному этапу
коридором, в конце которого ждёт гроза.

ВРЕМЯ БЕНГАЛЬСКИХ СВЕЧ

Время бенгальских свеч и любви всему вопреки.
Время дарить, поддерживать и быть рядом.
Каждый дом по-циклопьи подмигивает гирляндой.
Ни к тебе, ни ко мне не протянуто ни руки.
Каждый из нас — аллигатор, аннигилятор.
Даже беззубые дети и старики.

Праздник — повод напиться и снова избить жену,
и вонзить щетину похмельную, острую, как иголки,
в воцарившуюся громогласную тишину.
Скотный двор на версту вокруг: кобели да тёлки.
Нас так много, что некуда ставить ёлки.
Эти качели больше я не лизну.

Но, послушай, я не собираюсь толкать речь
падающим с обрыва,
и участвовать в сытых играх.
Протянув мне руку, ты не сунешь её в печь.
Выключим звук, оставим только субтитры,
не превращая время бенгальских свеч
во время бенгальских тигров.

СКОРАЯ ПОМОЩЬ

Когда
человечья душа вдруг прощается с телом,
то синяя птица–сирена поёт, обезумев.
Из ниоткуда герои являются в белом.
Не ангелы, нет.
Ангел значит, что ты уже умер.

Когда ты задышишь,
задушишь в объятиях близких,
лицо или имя спасителя вряд ли вспомнишь.
Твой белый герой уезжает во тьму по–английски
на белой машине с надписью Скорая Помощь.

Я пью крепкий кофе за вас,
выезжающих в полночь,
на красные черви меняющих черные крести.

В стекло лобовое забьется еще один крестик
как символический дар за дыхание второе.
Сказавших "у времени нету героев, поверьте"
спасут все равно. Ибо этим безвестным героям
совсем не помеха, что Время придумано Смертью.

ПОЭТАМ–СОВРЕМЕННОКАМ

А были помоложе мы, никем не подытожены,
и в штабеля не сложены, пронзали небо лбом,
и чувствовали разное, нископечки не властное
над нами, столь прекрасными, как вся твоя любовь.
И как любили — боже мой, такие ясноглазые,
и не имели прошлого, и каждый был любой.

А небо было пористым, и ветер дул напористо,
и был он весь аористом чужого языка,
как зубы нас расшатывал; мы челюстями сжатыми,
как пионервожатые, держались за закат,
и пили куболитрами, и были, в общем, хитрыми,
закат свалился титрами и убран был под кат.

А стали мы тяжелыми, попадали, как желуди,
в зелено–красно–желтую прихожую земли,
валились, будто в ноженьки, да умерли немноженько,
и все слова для боженки рассыпали в пыли.
Мы жили как преступники, а сдохли как заложники,
теперь вы нас пристукните, раз мы вас не смогли.

Идет лесник, качается, похмелье не кончается,
и впору б нам отчаяться, да только все никак.
Он видит нас
и крестится,
и крестится,
и крестится,

как будто бы прелестница пред ним стоит, нага.

Мы образуем лестницу, до неба расчудесницу.
а он двенадцать месяцев стоит у ней в ногах.

Я НЕ ВОЙДУ В ПОДЪЕЗД

Когда все пишут "нет того–то и того–то",
то значит, это есть и все еще горит,
поставив жизнь на ад из автоперемоток,
ударом кулака в лицо впечатав грим.

Ты есть. Настолько есть, что больше или меньше
не надо никому, не приведи Господь.
Сверхчеловечий дух из тела унтерменша
затрещиной влетит в отчаянный восход.

Кури в любом окне за выгоревшей шторой,
с поющим сердцем злым о перемене мест.
Непроисшедшее не требует повтора.
Я знаю коды — все. Я не войду в подъезд.

Я НЕ ЛЮБЛЮ

Солнце бессмысленно, если
Не выходить из дома.
Я развалилась в кресле.
Знаешь ли ты, кто мы?

Ты, может быть, сказка.
Я не читаю сказок.
Бронежилет, каска
Служат вернее масок.

Я бы хотела. Я бы.
Далее нет, не помню.
Солнце ушло в ноябрь.
Ты бы меня не понял.

Пишут посты люди.
Очень красиво пишут.
Их любят. Они любят.
Я — из перелюбивших.

Чем рисовать? Краски
Кончились. Сказки тоже.
Я заведу хаски.
Грустью мы с ним похожи.

Раньше я так любила.
Кровь застывала в жилах.
Кто-то родной, милый.
Мы тогда были живы.

Полуживая. Полу
мертвая. Фифти–фифти.
Я человек без пола
С чувствами из финифти.

Дохло, красиво, стильно.
Не оживет. Не станет
Греть и светить сильно.
Да, ты хорош, статен.

Это, бесспорно, спорно.
Ни жара, ни озноба.
Можно смотреть порно.
Можно смотреть в оба.

Можно смотреть в точку.
Немыслимыми часами.
Можно продать почку.
Это решайте сами.

Я пустота в кубе.
Куб теперь додекаэдр.
Меа ядрёна кульпа,
что выросла вот такая.

Я не люблю. И это
Гребаная мозаика.

Худшее для поэта.

Лучшее для прозаика.

СЛУЧИЛОСЬ СЛОВО

Случилось слово, страшное, как сон,
по пробуждёнью ставшее страшнее,
Так, брызнув половинками, чернеет
лишённое носителя кольцо.

И ты не знаешь, как перенести
такое слово, как болезнь, как глыбу.
Молчанию научишься у рыбы,
словам — у тех, кто дрессирует стих.

Оно в начале было и в конце,
но между тем, чем было, и чем стало,
лежат нечеловечески устало
сомнительные тени на лице.

Случилось слово. Не перечеркнуть.
Не вымарать. Не ждать переизданий.
И окна ставших вдруг чужими зданий
гирляндами тебе не подмигнут.

Останется учиться с этим жить,
учить его язык, его повадки,
не думая, как под ногами шатки
ступени на вторые этажи.

Не будет так, как было, никогда.
А будет так, как будет. Не иначе.

Случилось слово, над которым плачут.
Случилось слово. Вспыхнула звезда.

Никто не умер. Новый год снесёт
лавины с гор, товары с пыльных полок.
С тобой случился путь. Он был недолог.
С тобой случилось слово. Вот и всё.

ПОЭТ

В чем красота заключена?
В чём теле, как в тюрьме ли, в терему?
Поэт — он не величина.
Он невеличка
Спичка
И отмычка
Незакрывающаяся кавычка
То без чего никак и никому

Открытый микрофон, закрытый рот
Грудь раскурочена и изрешечена
Чумна чудна чадна черным—черна
Поэт — он вовсе не величина
Не метр не мэтр не ямб не ярд не МРОТ
Любое из весов и мер умрет

Поэтому поэт — наоборот
Невпроворот невмочь и невпопад

Он звездопад он водопад
Полураспад
Болезнь, без ног идущая на спад
Он в недрах грач
И в небе крот
Солнцеворот
Сюжетный поворот
Грех сложности, святая простота
Натертость от нательного креста
Неопалимая забвеньем береста

И кра-
со-
та

КАК ОНИ РАЗДРАЖАЮТ

Как они раздражают. Как бесят меня, мой свет.
Говорят, что они в духовном со мной родстве.
Как они умудряются ноты перевернуть,
лебедь, щука и рак — занятный триумвират.
Все кичатся, что все на свете им по плечу,
и ползущий орет: "я встану и полечу".
Мол, в последней инстанции истина — их слова.
Вот тогда мне, мой свет, так хочется убивать.

Это — каждый второй, куда ты ни посмотри.
Накрахмален фасад с отпетой гнильцой внутри.
При народе честном нахмурятся: "я не пью",

а в домах так бухают, что страшно за их семью.
Ни одного неотведенного греха,
с окружающих скальпы сдираются что меха
с беззащитных животных сумеречной тайги.
И солёные рукопожатия их туги.

Каждый вводит свой табель о рангах, военрежим.
Это люди, мой свет, и мы к ним принадлежим.
Ницшеанство, герои фэнтези, RPG —
это все спецэффекты, дешёвые, как бокс.
Мне не стать ни луной, ни зданием, ни зверьком.
И тебе — ни птицей, ни звездочкой, ни цветком.

И "Баранкин, будь человеком!" — контекст иссяк,
будто шел, ослабел и ударился об косяк.
Человек человеку страх, или даже грех.
Я не знаю, где кнопка «Выход» в такой игре.
Можно стать попытаться выше, быстрее, сильнее,
но подводные камни в собственной глубине
молчаливо пробьют второе и третье дно.
И в итоге одно.
И в итоге всегда одно.

Не сбежать от генома, бэкграунда, бытия.
Это — то, в чем непрофпригодны ни ты, ни я.

Нет страшней, чем в толпе однажды услышать вслед:

— Как они раздражают.
Как бесят меня, мой свет.

НЕКРАСИВО БЫТЬ ЛУЧШЕ

некрасиво быть лучше
хоть в чем-то, хотя бы кого-то
это в детстве еще разжевали и в рот положили
есть не только таланты твои, есть лимиты и квоты
или ты тормозишь превышение скорости, или
вырываясь вперед,
ожидай у финала подножки
если б знала ты ранее, если бы ты только знала

что приносят удачу тебе только черные кошки
и отныне и присно
вовеки
не будет финала

ДЕТИ ДЕТЕЙ ДЕТЕЙ

Ты не создана, а о тебе уже говорят.
Выбирают едва ли не университет.
Открывают проект, закладывают заряд,
и отводят сухие ладони семи смертей.
Мне заведомо страшно за твой безразличный взгляд.
Мне заведомо больно за пение в пустоте.
Ибо дети детей однажды продолжат ряд
и появятся снова дети детей детей.

Запрещу тебе петь, и значит, что будешь петь.
Разрешу стихи. Не захочется ни строки.

Потому что тетрадка в клетку — простая клеть,
даже если всё это игры в черновики.
Это путь, на который не надо успеть успеть.
Это то, от чего, пожалуйста, убеги.

Будь луной и водой, и зря слова не роняй.
Ибо тянется солнце к солнцу, огонь — к огню.
Я боюсь создавать тебя и потом — менять.
Мать меня не вернула. А я тебя ли — верну?

Ибо дети детей появятся от меня.
И последним не быть — ни одному звену.

ЛИ ГЕВАРЕ

Детство прошло оцарапанною коленкой.
Первоапрельский бег в инвалидном кресле.
Переломный момент становится пятилеткой.
Жизнь состоит из тысяч и тысяч "Если".
Ходят за пивом, к морю, в кино, на лепку
люди–стихотворения, люди–песни.
Ли говорят: ты стала сверхчеловеком.
Легче ей не становится, хоть ты тресни.

Ли прорастает в землю. И страшно правы
все, у кого мурашки бегут по коже
от самодурств правительства и Минздрава.
И от её стихотворений — тоже.

Если бы не авария и не травма.
Если бы чуть пораньше, да чуть попозже.
Если бы на камнях выростали травы,
если бы каждый встретившийся прохожий

внес бы свой вклад на карту. На карту мира.
Звёздного неба, памяти ли, метро ли.
Нет невозможнее выхода из квартиры.
Мир после взлома наглухо запаролен,
синий спортивный костюм белизной постиран.
Капельницы, до боли вторые роли,
редкие люди, выцветшая сатира.
Ты не боишься больше ни разу, что ли?
Ли, как с войны, становится дезертиром

с этого мира, что болен и обездвижен,
бег в десять тысяч метров,
ветров и кадров.
Я это сплю и вижу. Проснусь и вижу.

Пусть это, ради бога, случится завтра.

МЫ ИСКАЛИ ЧУДО, А НАШЛИ ГОВНО.

Не поймем: собачье или чьё оно.
Мы искали правду, а нашли хуйню.
Я её зачем-то у себя храню.
Мы искали близких, а нашли Фейсбук.

И Вконтакт, и Твиттер, всяк зовется друг.
Мы искали небо, а нашли гашиш.
Отчего ко мне ты как-то не спешишь.
Мы искали дружбу, а нашли сырок.
Плавленный, фиговый, но на завтрак ок.
Мы искали сказку, а нашли шприцы,
коиими кололись глупые юнцы.
Мы искали море, а нашли плевков.
Мы не промочили в нем усталых ног.
Мы искали церковь, а нашли дурдом
и держась за ручки танцевали в нём.
Мы искали песни, а нашли эээ блэт.
Стоил как трамвайный на него билет.
Мы искали Сашку – одного, одну –
а нашли Петровича и Евгеньевну.
Мы искали чувства, а нашли strapon.
Для чего же нужен непонятный он.
Мы искали маму, а нашли скелет.
Нам обоим было по тринадцать лет.
Мы искали сердце, а нашли кишку.
И об острый камень битую башку.
Мы искали золото, а нашли бедлам
и легко делили это пополам.
Мы искали страны, а нашли – ха-ха.
Этого хватило на конец стиха.
Мы искали счастье, но нашли вино.
Значит, алкашами быть нам суждено.

Мы тебя искали, добрый человек,
в хлопчатобумажный августовский снег.
Мы себя искали в оползнях трухи.
А нашли чужие грязные стихи.

АЛЬЦГЕЙМЕР

В Интернете есть ролик про бабушку и Альцгеймер,
и не то чтоб его возможно смотреть без слёз.
Человек живёт по закоротившей схеме,
человек не воспринимает себя всерьёз,
собирает углы и по ним собирает крошки,
и одно из имён господних твердит, твердит,
не отличает вилку от, скажем, ложки,
и ногами вперёд выносят ему вердикт.
Эта старая женщина роется в старых сумках,
и сберкнижка воспоминаний горит в огне;
эта старая женщина роется в старых сутках,
и плодами Тантала память плывёт над ней.
Непонятно, в чем божья авторская задумка,
почему эта женщина падает и встаёт,
снова падает головой в табуретный угол;
кто-то в церкви поёт: "Да святится имя Твоё".

Я пытаюсь представить жизнь её до момента,
на неё обвалившего крест, что она несла.
Вдруг она умела играть на трёх инструментах,
никому не жалела добра, не желала зла;

вдруг пахала – в прямом и в переносном смысле;
паковала посылки на фронт, находясь в тылу.
А теперь у неё ни о ком ни единой мысли,
и она лежит на холодном своём полу.
Дети где-то в других городах, на иных планетах,
и смеются они, и заводят своих детей,
а быть может, что никого у неё и нет, и
глаза у неё – пустой и ещё пустей.
В клипе видно, как муж (или брат, или врач) приходит,
и с холодного пола к кровати тащит её.
И уходит из кадра, а беженка в переходе
всё поёт и поёт: "Да святится имя Твоё".

В Интернете есть ролик про дедушку и Альцгеймер.
Или, может, про бабушку. Бабушку, точно, да.
Я не помню, чем различаются гей и геймер,
почему сегодня не кончится никогда.
И мне сорок лет, а детей моих – ни в проекте,
ни в помине, я здесь одна как перст,
но почему-то по комнате скачут дети,
я пеку пирожки, почему-то никто не ест.
Я торгую на рынке вязаными носками.
У меня есть медаль и гордость не за себя.
На обоях – рисунок внука, почти наскальный.
Фотографии в чёрных рамках опять не спят.
Я передам, что мы победили немцев,
и за билет, конечно же, передам.
Восемьдесят четыре, проблемы с сердцем,

заплатить за свет, из крана течет вода.
На каком ты фронте, гаснет слеза в плафоне,
кто приходит, на полу лежать не даёт.

И невидимый голос в сломанном патефоне
всё поёт и поёт "Да святится имя Твоё".

ДЕЛОВОЕ ПИСЬМО ПОПАДАЕТ В СПАМ

Деловое письмо попадает в спам, бой часов с сердечным не в унисон.
Понемногу надо ползти спать, часом прежде, чем оползнем станет сон.

Выбирай пожёстче канцелярит, бюрократию перевернув вверх дном. Побеждает тот, кто с ней говорит на её языке, словно на родном. От одной страны до другой страны шесть часов и парочка тысяч миль, часовых затянутых поясов и барьеров, выстроенных людьми – в виде этих грёбанных фирм и форм, хуже, чем диссертация и джетлаг. Это всё усыпляет, как хлороформ, но печаль о дальней стране светла. Выносимо всё, кроме этих кип, что ташу на подпись туды–суды. Я большой, тупой и усталый кит в океане непитьевой воды. Неизвестно, одобряют ли, отклонят, и вообще прочтут – или не прочтут?

Сыпьте в раны соль, лейте в кофе яд, но не отбирайте мою мечту.

Нет страшней откровенности, чем CV. Нет ужасней фотки, чем на загран. Я хочу о море и о любви, а не в побелевший смотреть экран. Я хочу поспать, я хочу домой. Я же дома. Дома? Ты шутишь, нет? Этот лист из сотни всего седьмой, с черепашей скоростью Интернет пожирает то, что ему кладу в пасть о тысяче страшных больших клыков.

Я всегда с бюрократией не в ладу, но она не боится ни кулаков, ни ножей, ни огне-
стрела,
ни
женских слёз,
ни даже стихов моих.

Я сильнее всей этой злой херни,
так как и её
превращаю
в стих.

ПАЛКА, ПАЛКА, ОГУРЕЧИК

Палка, палка, огуречик, карандаш задрожит:
вот и вышел человек в удивительную жизнь.

Ложка, вилка, и слюнявчик да игрушки на полу
Человек насвинячил и теперь стоит в углу.

Ашки, бэшки, рассчитайся на раз-два, ча-ща, жи-ши.
плюйте в лица, блюйте в тазик, ты мне больше не пиши.

Во саду ли, в огороде, в час немислимых потех
мы при всем честном народе выбирали, да не тех...

Кто направо, кто налево, карты, деньги, два ствола,
развенчали королеву, и не вспомнят, что была,

Тили–тили, трали–вали, а в ушах трамвайный звон,
наливали, наливали, с глаз долой из сердца вон,

плюс на минус будет минус, плюс на плюс звезда во лбу,
вот скажи ка мне на милость, ты зачем лежишь в гробу?

рельсы–рельсы, шпалы–шпалы, приезжай хоть на часок,
листьев мокрых, листьев палых нескончаемый вальсок,

спят усталые игрушки, в неотвеченных висят
не хочу к тебе в подружки, мне уже под пятьдесят

мама мамочка мне страшно, отчего часы спешат...
кто–то там стоит на страже и не выйти не сбежать...

К стопке водки – огуречик. Палка палка крест равно.
Вот и вышел человек в бесконечное окно.

СОДЕРЖАНИЕ

Окаянная звезда	5
Шагреневые щёки	6
Рейс 9268	7
Потерянный человек	8
Тихушница	10
Пропускайте	11
Подводная лодка	12
Усни со мной	14
Памятник самому себе	14
Мой 2018-й	15
Падший – падшему	16
Неудобная красота	16
Зимняя Вишня	17
Это всё скоро кончится	18
Я обещаю стать космонавтом	19
Каштанки	20
Бесколёсный велосипед	20
Лето выходит вон	22
Река одного берега	23
Небольно	26
Мой наркоманский двор	27
Символ детства, тебя и вечности	29
В сети не нужно быть серьёзным	31
Синий кардинал	32
Письмо Арчету	34
Ойкумена	36
Одинока не та	37
Ставь на верных, детка	38
Два идиота гуляют по невским льдинам	40

Космоскрёбы	42
И человек жуёт	43
Надо бросать курить	44
Как-нибудь без меня	47
Крик о современной поэзии	48
Какое счастье, что никем не стал	52
Инструкция по пользованию водкой	54
Успешная леди	55
Трамвай литературы	57
Двигатель внутреннего выгорания	60
Пять, четыре, три, два, один	62
Почему?	64
Это был апрель	65
Божья маршрутка	66
Столкнуть столкнувшего	67
Ради бога ли, ради бега ли	68
Человек говорит	69
Спиннер	71
Монолог фрилансера	72
Бессонница писателя	73
Не путайте меня с лирическим героем	74
Departure Blues	76
Пусть говорит бездарный	77
Останься дома	79
Магистратура СПбГУ	80
И не такие перегорали	81
Дай мне уехать	83
Теория невероятности	84
Аспирантура СПбГУ	85
Поэтический конкурс	86
Не твоё	89

Как хорошо, что ты не здесь	90
Синее покрывало	91
Петербург – твой диагноз	92
Смотри	94
Взрослые – это мы	96
Обрушивающиеся новостройки	97
Путешественник в домоседе	98
Время бенгальских свеч	99
Скорая помощь	100
Поэтам–современникам	101
Я не войду в подъезд	102
Я не люблю	103
Случилось слово	105
Поэт	106
Как они раздражают	107
Некрасиво быть лучше	109
Дети детей детей	109
Ли Геваре	110
Мы искали чудо, а нашли говно	111
Альцгеймер	113
Деловое письмо попадает в спам	115
Палка, палка, огуречик	116

Возрастное ограничение 18+

Подписано в печать 20.05.2018. Формат 70x100 1/32.
Объем 4 усл. п. л. Гарнитура Гелиос. Бумага офсетная.
Печать трафаретная. Тираж 300. Зак. 52.

Отпечатано в типографии издательства «Нюанс»
г. Таганрог, Солодухина, 87.